

БЕРНАР
МИНЬЕР

ЛЮТАЯ
ОХОТА

ЕСТЬ ТЬМА, КОТОРУЮ НЕ СМОЖЕТ РАССЕЯТЬ
НИ ОДНО СОЛНЦЕ...

Бернар Миньер

Лютая охота

Серия «Бернар Миньер. Главный триллер года»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67610324

*Лютая охота:
ISBN 978-5-04-168519-5*

Аннотация

Изоощренный и мрачный триллер от одного из самых популярных во Франции писателей. Книги из серии о Мартене Сервасе переведены более чем на 20 языков, а компания Netflix недавно сняла по ней сериал.

Есть тьма, которую не сможет рассеять ни одно солнце...

«Что за черт! Гребаный олень!»

Величавые рога в свете фар. Почти человеческие глаза. Страшное столкновение.

Но куда страшнее другое – глаза и правда не олени. Машина сбила не животное. А человека. С рогами...

Его гнали по лесу, как дичь. Для него соорудили жуткую маску из настоящей оленьей головы. Маску, которую невозможно снять. Ему поставили клеймо: выжгли на груди слово «правосудие». Чья извращенная фантазия породила этот невероятный гибрид казни

и развлечения? И какое правосудие имеет в виду тот, кто сотворил такое?

Это должен выяснить тулузский следователь Марсель Сервас. И ему придется поставить на кон свою жизнь и жизни близких...

«Миньер – это огромный талант рассказчика и умение вселить в душу читателя страх; не хуже, чем у Стивена Кинга в его лучших романах». – Daily Mail

«Новый король триллера». – El País

«Миньер выдает прозу мрачную и острую. И такую густую, что пока читаешь, в ней вязнут пальцы». – Spectator

«Романы Миньера ценятся за блестящую интригу и за ту откровенность, с которой он говорит о современном обществе». – Provence

Содержание

От автора	6
Полная луна	8
Понедельник	14
1	14
2	25
3	34
4	42
5	47
6	51
Вторник	62
7	62
8	65
9	79
10	88
11	98
12	106
13	117
Среда	121
14	121
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Бернар Миньер

Лютая охота

Только беспощадная ясность наедине с самим собой может дать право судить других.

Криста Вольф

© Егорова О.И., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2022

От автора

Несомненно, читательницам и читателям покажется, что семь нападений с ножом за одни выходные в самом центре Тулузы – всего лишь плод неумейной фантазии автора. Ничего подобного. Эти семь нападений, никак друг с другом не связанных, действительно произошли в течение сорока восьми часов. Я просто перенес их во времени; они случились в июне, а не в октябре 2020 года. То же с «охотничьей лунной»: она есть, но те, кто увлечен этим феноменом, заметят, что я сдвинул его на недельку в интересах повествования. И наконец, множество фактов и рассказов относительно ситуации в пригородах и в полиции подсказаны реальными событиями и подлинными свидетельскими показаниями, только я их немного изменил в тех же интересах повествования, а также из уважения к тем, кто к этим событиям причастен. Зато главная история – история «охоты» – выдумана мною от начала до конца. Такова уж миссия автора художественной литературы: выдумывать истории, более правдивые, чем сама реальность. Следовательно, «любое сходство с ныне живущими людьми и с теми, кто жил когда-то»... ну и так далее.

Он не кричал. Просто спокойно дышал открытым ртом. Дождь поливал его, стекая по глазам, по затылку, вдоль спины, стекая под военную форму. Он чувствовал тысячи

порезов от острых шипов, которые вошли в его тело и раздирали его миллиметр за миллиметром.

Колючая проволока впиалась ему в шею, в щеки, в руки и в грудь, не выпуская и не давая пошевелиться. Сердце билось прямо под колючкой, которая упиралась в сонную артерию.

Плетеная сетка из колючей проволоки – тюрьма надежная.

Не шевелясь, он смотрел, как они спускаются с холма. Идут к нему. Мысли его в этот момент были на удивление ясными. Как когда-то в Афганистане или в конголезском лесу, когда его отряд попадал в окружение к более многочисленному, накачанному наркотиками и готовому умереть неприятелю. Те же, кто приближался к нему сейчас, не были накачаны наркотиками и не собирались умирать. Умирала их цивилизация. Та самая, которую он защищал всю жизнь.

Теперь он оказался не на том берегу истории, но сейчас это не имело для него значения. Он держал в руках собственную судьбу – и настал момент это сказать. Он чувствовал, что колючки доставали до легких и кровь сочилась каплями. Чтобы все кончилось, достаточно будет одного резкого движения. О чем он думал в этот миг? О том, что оказался не в своей эпохе, как ни крути...

Полная луна

Полная луна. Совсем как в тех фильмах категории Z¹, которые он обожал. Истории про зомби и вампиров. Однако здесь не было никаких вампиров. И зомби тоже. Но было кое-что похуже. Где-то там, в лесу, у него за спиной.

С проволокой, впившейся в кожу, дышалось тяжело.

Он успел разглядеть их лица, когда его вытащили из багажника машины, и он отчаянно хлопал глазами, ослепленный пламенем факелов и фарами. Всего на какую-то долю секунды, не больше. Но ему хватило, чтобы все понять. Свет, горевший у них в глазах, сразу сказал ему, что это не игра. А если все-таки игра, то *смертельная*...

Казалось, они дали ему крошечную фору. Тьма окутала лес. И он сказал себе, что у него еще есть шанс. Ага, как же...

Он не имел ни малейшего представления, где находится. Его держали взаперти в каком-то помещении. Где воняло лошадиным пометом, скотиной и кожей, а за дверью слышались звон металла, лошадиное ржание и стук копыт по утоптанной земле. Эти звуки он раньше слышал только из телевизора. Он и лошади-то ни одной не видел за всю жизнь.

Потом его засунули в багажник какого-то большого автомобиля, который благоухал новизной, и куда-то довольно

---

¹ Это неформальное обозначение подчеркивает, что такие фильмы по качеству еще хуже, чем стандартные низкобюджетники (категория В).

долго везли – может, час, может, два – прежде чем выгрузить посреди леса. Лес покрывал холмы, ночь покрывала лес, а все его мысли покрывал страх. У страха был свой звук – его собственное прерывистое дыхание и отчаянное биение сердца, свой запах – его пота и той вонючей гадости, которая сидела у него на голове, – и свой цвет. Черный. Черным был лес, черными были души тех людей, черной была его кожа.

Бежать... прыгать, карабкаться наверх, падать и снова бежать...

С трудом переводя дух, цепляясь на ходу за ветки, переходя вброд ручьи, журчащие под листьями, спотыкаясь о корни и камни. Удивительно, что не вывихнул себе лодыжку, но эта беда не заставила себя ждать. Штуковина, которую ему надели на голову, его душила, но он не мог ее снять: мешал плотный, застегнутый под подбородком ремень. В этой чертовой конструкции не было даже дырки напротив рта, а внутри воняло диким зверем и рвотой. Он постоянно моргал, стряхивая с ресниц капли пота, которые жгли глаза. Ноги его постепенно тяжелели, в боку кололо, и внутри, под ребрами, все сжималось от боли. Много бегать он не привык, тем более по густому лесу. Он знал только свой город, лестничные клетки, длинные коридоры и сделки по продажам. К тому же он был абсолютно голый, и яйца болтались у него между ног, пока он бежал, все более и более неуклюже загребая ногами. Его ступни и колени были изрезаны острыми камнями. В эту холодную ночь в конце октября он должен

был замерзнуть, но от бега и страха кровь внутри бурлила, и в пепельном свете луны от странного сооружения на голове поднимались облачка пара.

Вдруг он увидел сквозь дырки в кожаной изнанке своей маски, как наверху, между черными стенами высоких деревьев, разгорается ослепительный свет и появляется огромная сияющая сфера, окутанная дымкой. Она горит в ночном небе, как гигантский прожектор. Это переливчатое сияние поведет его... У него появилась надежда. Безрассудная надежда. Дом... Там кто-то был. *Там была помощь...*

* * *

2:30 ночи. Он ехал по дороге, которая постепенно сужалась на спусках и подъемах холмов Арьежа, лежащих к югу от Тулузы. Дорога то углублялась в лес, то выныривала на луга с редкими фермами, стоящими особняком. А потом снова исчезала в лесу.

Ночь стояла темная. Рассветет только через несколько часов.

Он возвращался домой после дежурства в больнице. Когда доедет, жена и сыновья уже будут спать, а когда проснутся, то уже он будет спать сном праведника. *Праведника?* Это еще как посмотреть. Не отрывая рук от руля, он вдохнул запах, исходящий от воротничка рубашки. Он подарил ей те же духи, что и жене, но она явно переборщила.

Ночная тьма и высокие деревья бежали на каждом вираже за окном автомобиля, черные, как грех. На дороге он был один. Темнота леса и бесконечные повороты дороги в свете фар действовали на него завораживающе.

Ему очень хотелось поскорее вернуться домой. Глаза уже начинали слипаться. *Еще минут пятнадцать – и ты окажешься в своей постели.* Он широко раскрыл глаза, потрянул головой, пошевелил челюстью и прибавил звук приемника. Его дом отделяли от дома Кристины всего двадцать километровых столбов, но ему пришлось включить музыку, чтобы не заснуть. В салон полились знакомые звуки. Группа «Traveling Wilburys»: Боб Дилан, Джордж Харрисон, Том Петти, Рой Орбисон и Джефф Линн. Как все хорошо звучало, пока не началось поветрие электроники и неопытных мальчишек-диджеев.

Дежурство в больнице было долгим, но два последних часа, проведенных в объятиях Кристины, возродили его и наполнили изнуряющим блаженством.

С Кристиной он познакомился в «Тиндере». Платформа позволяла ему не раз назначать свидания, но взамен вызывала ощущение вины и нечистоты. Что это было, с чем это можно сравнить? И каков смысл всех этих «свайпов»² или «мэтчей»³? У него внутри завелся маленький критический голосок, который говорил, что все эти порно и сайты зна-

---

² Свайп – в «Тиндере» способ отметить или проигнорировать чей-то аккаунт.

³ Мэтч – в «Тиндере» совпадение интересов, позволяющее начать общение.

комств превращали любовные отношения – а он без этого не мог – просто в ярмарку домашней скотины.

«Теперь мы уже не просто пользователи, мы стали продуктом, которым пользуются, – думал он. – Нами можно пользоваться и выбросить».

Он знал, что такого рода размышления, как и размышления о музыке, просто-напросто означают, *что он стареет*. Ему всего сорок, а он рассуждает как старик, и его родители – мир их праху – еще до него думали точно так же. И его жена, и дети не устают ему это повторять. Только Кристина льстила его самолюбию и говорила, что у него тело юноши...

Да что за черт!.. Из лесу только что кто-то выскочил на дорогу прямо перед ним.

– Олень! Гребаный олень! – выругался он.

Он слишком поздно заметил в свете фар величавые рога животного, буквально вылетевшего на шоссе. Он ударил по тормозам, привстав на сиденье, но избежать удара не смог. В последнее мгновение перед тем, как его сбила машина, олень обернулся к нему, и в ярком свете фар он увидел полные ужаса, почти человеческие глаза зверя.

Столкновение было ужасным.

В тот момент, когда ему удалось наконец остановить машину, ее сильно тряхнуло, раздался визг тормозов и шин об асфальт, и тело огромного животного упало сначала на капот, а потом рухнуло на дорогу перед самым бампером.

Он тут же открыл дверцу, выскочил из машины и обошел

ее спереди. Скользнув взглядом по смятому капоту, он увидел на асфальте распростертое тело, освещенное ярким светом фар. От него на дорогу падала длинная черная тень.

И в тот же момент задохнулся и открыл рот. Зрачки его расширились... Он никогда не забудет того, что увидел.

На асфальте распростерся никакой не олень. Это был человек.

Понедельник

1

Ночь. Лес. Фары. Сверху луна. Деревья в свете фар. Деревьев очень много. А домов – всего ничего. Время от времени виднеется какая-нибудь одиноко стоящая ферма. Группу подняли с постели в 4 часа утра.

– Как здесь сыро, – заметила Самира.

Других комментариев не последовало. Сервас вынырнул из кошмара, в котором он обедал в компании всех мертвецов, встреченных им за долгую полицейскую службу, когда на ночном столике зазвонил телефон. Это был Шабрийяк, новый начальник уголовной полиции. Прокурор Фуа позвонил среди ночи постоянному представителю прокуратуры Тулузы, а тот поднял на ноги уголовную полицию по случаю подозрительной гибели человека на одной из дорог Арьежа. Около 2:30 ночи неизвестный молодой человек был сбит машиной. По всей видимости, он выскочил из леса прямо под колеса, и водитель ничего не смог сделать.

– Дорожное происшествие? – удивленно переспросил Сервас, еще не проснувшись, и посмотрел на часы.

– На нем была маска: голова оленя... Он был ранен, и у нас есть основания предполагать, что... гм... он от чего-то убе-

гал... Или от кого-то...

Сервас сразу проснулся окончательно.

– Дорожное происшествие? – с недоверием повторила Самира, когда он позвонил ей пятью минутами позже.

– Авария? – шепотом сказал чуть позже Венсан, стараясь не разбудить Шарлен.

Самира Чэн и Венсан Эсперандье были лучшими в его следственной группе. Поначалу он не хотел их принимать. Самира походила на нервозную девушку из готов, а Венсан – на подозрительно манерного парня. Как только они появились, сразу начались перешептывания, сплетни и всяческие намеки, более или менее человеконенавистнического и пренебрежительного толка. Сервас положил этому конец. Он начал доверять обоим все более ответственную работу, а приглядевшись к ним, сумел распознать в обоих блестящих следователей. Вот уже двенадцать лет, как Самира и Венсан работают в его группе. С тех пор много воды утекло. Он взял термос с кофе, который протянула ему сидящая сзади Самира, и налил себе стакан. Опустив стекло и сдвинув вниз маску, он отпил глоток. Машину вел Венсан. Он нагнулся и сквозь лобовое стекло посмотрел в ночное небо. Их с улыбкой сопровождала круглая луна.

Они сбросили скорость, увидев метрах в ста впереди яркий свет вращающихся фонарей, который словно стекал по стволам высоких деревьев. Венсан затормозил. Сервас удивился, увидев такое количество автомобилей. За оградитель-

ными желтыми лентами сновали силуэты людей. Ярким светом был освещен навес над местом происшествия. Он вносил в ночной полумрак более светлую нотку. Они остановились на травянистой обочине.

– О, да мы здесь не первые, – констатировал Эсперандье, не снимая рук с руля, – говорили, что нынче жандармский слет.

– Что они там делают? – спросила Самира, просунувшись между передними сиденьями. – Собираются нам помогать или спихнуть это дело на жандармерию?

– В любом случае, я никогда не видел, чтобы столько народу собралось на обычное дорожное происшествие, – заметил Венсан.

Когда они вышли из машины, небо снова заволочло облаками, и луна исчезла. Их ослепил свет вращающихся прожекторов, и они, прикрываясь ладонями, двинулись к желтой ленте ограждения. Сервас подумал, что и жизнь похожа на такой прожектор: свет между двумя вечными ночами. Он светит только короткий миг, а потом гаснет. И единственное, что остается, – это воспоминание о свете. Но и оно постепенно угасает.

Он заметил, что приехавшие до них жандармы поработали быстро и серьезно. Они разделили место происшествия на три зоны, и невидимые границы этих зон определялись по профессиональному признаку. Зона № 1 относилась непосредственно к самой аварии, и там стоял автомобиль, вокруг

которого еще хлопотали техники в белых комбинезонах, похожие на космонавтов. Зона № 2 располагалась в лесу, в том месте, откуда выскочил парень, и еще одна бригада «космонавтов» прочесывала ее сантиметр за сантиметром. А в третьей зоне стояли в сторонке должностные лица и остальной личный состав.

Сервас подумал, что зону № 1 наверняка затоптали ребята из службы спасения и из «Скорой помощи». С другой стороны, вряд ли ее вообще можно считать местом преступления. Самое главное было в другом месте: *в лесу*... Там, где на парня устроили облаву, где за ним гнались, если это действительно так.

Как бы там ни было, пакет с тентом и прожекторами... Он ощутил, как по венам побежал адреналин, а любопытство быстро нарастало: похоже, здесь произошло что-то серьезное. Стольких людей не поднимают среди ночи просто так, без причины.

Подходя к группе жандармов и магистратов, он узнал среди силуэтов, мелькающих на фоне прожектора, нового прокурора Тулузы, Гийома Дрекура, который раньше служил в Безансоне. Он недавно заявил одному из местных журналистов, что в молодости перед ним стоял выбор: продолжать учебу на юридическом или стать спортивным тренером. И что он обладает командным духом. Оставалось только посмотреть, проявится ли этот командный дух в полиции.

Прокурор, в свою очередь, с любопытством разгляды-

вал подходящего Серваса, даже не пытаясь это любопытство скрыть. Серые проницательные глаза, поверх маски круглые очки.

– Майор, – произнес он.

– Господин прокурор.

– Господин прокурор, – сказал стоявший рядом офицер жандармерии, – там уже начали составлять протокол, ждут вашего решения...

Прокурор взглянул на жандарма, потом на Серваса.

– Майор, – сказал он, – я слышан о вас и вашей группе.

– Вот капитан Эсперандье и лейтенант Чэн, – отвечал Сервас. – А можно попросить план места происшествия?

Они обернулись к жандармскому офицеру, и тот указал на обочину возле разбитой машины.

– Парень выскочил из леса вон там, – пояснил он сквозь маску. – И у водителя, – он указал на человека, который сидел на складном стуле и пил горячий кофе под освещенным тентом, – не было возможности остановиться. Он его ударил, и парень отлетел на асфальт. У него была... *голова оленя*, с молнией на затылке и ремешком под подбородком.

Сервас вздрогнул.

– Голова оленя? А где она? – поинтересовался он.

– Ребята из «Скорой помощи» сняли ее, когда пытались его реанимировать. Ну и, конечно, запачкали ее по той же причине. Ее опечатали, и она лежит там, под тентом. И еще спасатели порядком затоптали первую зону.

«Настоящий склад, а может, стройплощадка», – подумал Сервас, в очередной раз удивляясь организованной работе сил порядка. Они, конечно, взяли пробы ДНК у сотрудников «Скорой помощи», чтобы потом сравнить их с теми, что остались на месте аварии в зонах 1 и 2.

– Когда парень внезапно появился в свете фар, водитель сначала решил, что это настоящий олень, и находился в состоянии шока, – продолжал офицер.

– А что он делал на дороге в такой час?

– Он медбрат. У него было ночное дежурство в больнице, и он возвращался домой...

– Мне сказали, что парень от кого-то убегал... Кто его преследовал, известно?

– Вы сами увидите... – замялся жандарм, – скорее всего, это м-м-м... *вопрос деликатный*.

– Вот как? А почему?

– Сами увидите... – повторил офицер.

Сервас представил себе эту сцену. Ночь. Свет фар. Лес. Силуэт с оленьей головой выскакивает перед автомобилем, как какой-нибудь мифический персонаж. Водитель не успевает вовремя затормозить. Он не только изумлен, он заморожен и парализован этим зрелищем. Сервас вздрогнул. Ему вдруг ужасно захотелось закурить. Он достал из кармана пачку сигарет и вдруг вспомнил, что на нем маска. Чертов вирус. Наказующий, убивающий и очищающий, он нашел свой символ: маску. Ее надевают, как намордник, как знак обре-

ченного и затравленного общества, которому полагается сидеть тихо и соблюдать гигиену...

– Господин прокурор, что нам надлежит делать? – не унимался представитель жандармерии. – Время идет. Моя бригада готова...

– Поскольку вы приехали раньше всех и уже получили показания водителя, то я поручаю вам расследование самой аварии как таковой, – ответил прокурор. – А группе майора Серваса я официально поручаю расследование всего, что относится к ее причинам: была ли она случайной, был ли пострадавший похищен и нет ли случайных свидетелей похищения, незаконного лишения свободы, пыток и попыток убить этого парня. Разумеется, сначала его надо идентифицировать. Я жду информацию и рассчитываю на то, что вы поведете это дело с умом.

Сервас заметил, каким жестким стал взгляд офицера жандармерии.

– Венсан, – обратился он к Эсперандье, – свяжись-ка со Службой судебной идентификации и проверь, получили ли они фото от Службы безопасности во всех необходимых ракурсах. Самира, а тебе предстоит побыть крючкомвором: собрать все печати, составить альбом из фотографий с места преступления и убедиться, что протоколы осмотра безупречны и неоспоримы.

– Будут и безупречны, и неоспоримы, – огрызнулся офицер жандармерии. – Мои люди не имеют привычки халту-

ритель с протоколами.

— Я в этом не сомневаюсь, — дипломатично ответил Сервас.

Он внимательно посмотрел на изуродованную машину. Рядом с ней кто-то сидел согнувшись. И этого кого-то он знал: это была Фатия Джеллали, эксперт судебно-медицинского объединения при полицейском управлении Тулузы. Профессионал до кончиков ногтей. Знает свое дело и преда-на ему. Это хорошая новость.

Сервас поднял воротник пальто. Температура упала ниже нуля. Скоро ноябрь, месяц смертей и хризантем. Начало сезонной депрессии.

Прежде чем войти в зону 1 и подойти к судмедэксперту, он заставил себя надеть комбинезон, перчатки и бахилы. Фары автомобиля были постоянно включены и слепили глаза, вынуждая жмуриться, но постепенно он начал различать детали. Голое тело лежало боком на асфальте. Возле него на корточках сидела доктор Джеллали и осматривала его спину с помощью прибора, который Сервас сумел узнать, ибо не раз видел, как работают судебные медики. Это был плунжер, приспособление очень мощное, работающее автономно. И вдруг он понял, почему жандарм назвал это дело деликатным. Парень был чернокожим, и вовсе не из-за игры света и тени.

– Привет, – сказал он.

– Привет, Мартен.

Она даже головы не подняла, настолько углубилась в работу. Был момент, когда они чуть не начали встречаться, до того как Сервас познакомился с Леа. Он тогда колебался. Фатия Джеллали была женщина очень привлекательная и милая. Но в то же время не зря многие следователи называли ее Богиней Мертвых. Как и он, она жила только работой, как и он, хорошо зарабатывала. Но он не был уверен, что жизнь с этой женщиной поможет ему справляться со своими призраками и держать их на расстоянии. А потом в его жизнь вошла Леа, с ее веселым нравом, энергией, человечностью и прямоотой, и привела весь мир в согласие⁴.

– Что ты об этом думаешь? – спросил он.

– Не забегая вперед, я бы сказала, что его убил сильный удар о землю. Но перед этим его еще ударил автомобиль: на капоте и ветровом стекле есть следы крови. И у него изранены ступни: видимо, он долго бежал по лесу.

Посмотрев на ярко горящие фары, Сервас снова сощурился. Потом переключил внимание на руки погибшего, вокруг которых судмедэксперт разложила прозрачные полиэтиле-

---

⁴ См. романы «Сестры» и «Долина».

новые пакеты.

– Кто-нибудь снял у него отпечатки пальцев?

Она помотала головой:

– Еще нет. Не может быть и речи, чтобы производить изъятие или любые манипуляции, способные случайно загрязнить кожу, пока я не взяла пробы с пальцев и из-под ногтей.

Ее строгость и непримиримость в таких вопросах он знал хорошо.

– Нам очень нужны отпечатки пальцев, чтобы его идентифицировать, потому что ни одежды, ни документов не нашли, – возразил он. – Можно воспользоваться «щадящей» техникой, к примеру, порошками, которые не действуют на ДНК. А можно просто сфотографировать...

– Мартен, при теперешнем положении вещей никто, кроме меня, к телу не притронется, – отрезала она. – И никто не притронется к его рукам, пока я не изучу пальцы и ногти. Это ясно? Я вставала так рано не для того, чтобы заниматься пустяками.

Как это похоже на Фатию Джеллали! У нее был свой собственный протокол, и никто не смел его нарушать. Таких скрупулезных судмедэкспертов он больше не знал. Пришлось подавить вздох. Вообще-то, он всегда радовался, что она являет собой пример высокого профессионализма, но в этот раз он бы предпочел выиграть время.

– Полнолуние, – сказала она вдруг.

– Да, я заметил, – отозвался он, подняв глаза к ночному

небу.

– *Охотничья луна...*

Сервас вздрогнул:

– Что?

– Полную луну в эту ночь называют *охотничьей луной*, – объяснила она. – Полную луну в октябре, потому что когда-то давно она облегчала ночную охоту на перелетных птиц. Она следует за полной луной сбора урожая в сентябре. Если не считать того, что две тысячи двадцатый – год исключительный со всех точек зрения: в нем тринадцать полнолуний вместо двенадцати. В октябре сразу два. *Тринадцатая и есть охотничья луна*, – повторила она.

Сервас вспомнил, что в греческой мифологии Артемида, богиня охоты, тоже ассоциировалась с луной, и по телу у него пробежала дрожь.

– Думаешь, это совпадение? – спросил он.

– Не мое дело об этом рассуждать. Скорее ваше.

– Судя по тому, что я слышал, он убегал от чего-то или от кого-то... Вообще-то говоря, на него... охотились. Знаешь, откуда взялась эта гипотеза?

Она покачала головой:

– Смотри.

Она направила луч фонарика на лопатку погибшего. На левом плече, ниже ключицы виднелась рана, и из нее, поблескивая в ярком свете, торчал острый металлический шип. Сервас тоже присел на корточки.

– Что это? Стрела?

– Арбалетная.

Он ощутил, как волосы на затылке встали дыбом.

– Необычно, а? – продолжала она. – Но это еще не все...

Она положила фонарик на землю и взяла тело за плечи.

– Помоги-ка.

Он помог медленно и осторожно перевернуть тело на спину, на брезент, расстеленный прямо на щебенке и асфальте.

Первым делом она направила луч фонарика на его лицо, хотя его и освещали фары.

Сервас застыл. Мертвые глаза. Глаза того, кто едва увидел жизнь и сразу ее покинул: юноше было не больше двадцати. Фатия Джеллали скользнула лучом по подбородку и выступающим ребрам: мальчик был худой.

Сказать, что Сервас удивился, значило бы ничего не сказать. Он был ошеломлен, но старался не думать, не строить гипотез на этой стадии и не делать поспешных заключений.

На груди юноши кто-то выжег слово

ПРАВОСУДИЕ

2

Они с трудом продвигались между деревьями и подлеском. Самира догнала Серваса, и они пошли, повторяя изгибы блестящей желтой ленты, которой техники ограничили место преступления, и стараясь держаться снаружи заграж-

дения. Там, где не было риска затоптать следы. Между двумя почти параллельными линиями желтой ленты прожекторы высвечивали пятна крови и сломанные ветки, обозначенные желтыми пластиковыми зажимами в виде всадников. Везде было очень сыро, и минут через тридцать пути брюки у Серваса промокли до колен. Чуть дальше вместо прожекторов горели обычные лампы: не хватило кабеля. Лампы были закреплены на макушках опор, подсоединены к солнечным батареям и своим мертвенным светом дырявили темноту.

А еще дальше, метрах в пятистах, не было ни ламп, ни оградительных лент. Начиная с этого места техники, за неимением материала, ограничились тем, что прицепили желтые прищепки там, где обнаружили следы. Они, как желтые бакены, как камешки Мальчика-с-пальчика, светлыми пятнами обозначали путь через лесную темноту. Добравшись до ручья, который струился у подножия крутого склона, они сквозь кустарник заметили двух техников, освещавших лампами противоположный берег. Сервас увидел в грязи глубокие следы чьих-то босых ног и подметок. Техники их фотографировали и обмеряли.

Сервас показал удостоверение.

– Здесь прошли взрослые люди, – сказал второй техник, указав на следы. – Думаю, человек от шести до десяти, а последним шел босой юноша.

На втором технике были комбинезон с капюшоном, белая маска и синие латексные перчатки удвоенной плотности, и

выглядел он, как космонавт, заблудившийся на враждебной планете.

– А далеко тянется цепочка следов? – спросил Сервас, отодвинув ветку и поставив ногу на плоский камень посередине ручья.

Вода журчала и переливалась, поблескивая в луче фонарика. Ручей проделал туннель в кустарнике.

– Да, еще около километра...

Вдруг на соседней скале Сервас увидел что-то, напоминающее собой дохлую лягушку. Распластавшись на животе и раскидав в стороны длинные задние лапы, она не шевелилась. При виде этой маленькой амфибии его охватило странное чувство: сильнейшее волнение и ощущение, что его заколдовали. Это было тем более удивительно, что только что он спокойно смотрел на труп на дороге. словно маленькое создание отстаивало свое место в длинной цепи жизни и смерти.

Они двинулись дальше. Листья деревьев сформировали у них над головами почти непроницаемый потолок, но время от времени сквозь них проглядывала луна. Здесь, намного ниже уровня шоссе, не было слышно ни звука. Эта тишина поразила Серваса. Наконец, в центре видневшейся впереди поляны, они увидели остальных техников в белых комбинезонах.

Поляна была залита лунным светом.

Он царил на круглой прогалине, открытой ночному небу, в самой гуще леса, и, казалось, излучал ужас вокруг себя.

Сервас почувствовал, как его охватывает тревога.

– Ну, что у вас? – спросил он, снова достав удостоверение.

– Здесь следы обрываются, – ответил один из «космонавтов». – И отсюда тот парень начал удирать. И бежал он в ту сторону, откуда только что вышли вы, – прибавил он, указывая на черный лес у них за спинами.

Техник обвел рукой залитую голубым светом поляну. Пейзаж выглядел фантастическим, и было в нем что-то от страшного сновидения. Трава на поляне местами полегла, а с другой стороны в глубину леса от нее отходила темная аллея.

– Здесь стояло несколько машин. Они приехали вон отсюда – аллея соединяет это шоссе с другим. Скорее всего, жертва находилась в одном из автомобилей.

– А сколько было автомобилей? – поинтересовался Сервас.

Он опустил маску на подбородок и принялся раскуривать потухшую сигарету. Он бросил курить два года назад, еще до расследования убийств в Эгвиве, но само дело – и та сигарета, что вставила тогда ему в губы мадам психиатр Габриэла Драгоман, – вынудили его закурить снова⁵. Больше желания бросить у него не возникало.

– По-моему, три...

– А есть возможность узнать марки и модели?

Сервас догадался, что под маской техник поморщился.

---

⁵ См. роман «Долина».

– На мокрой траве сложно определить марку машины по следу, – сказал он. – Может быть, больше шансов будет в аллее: она посыпана гравием, но кое-где попадаете грязь. Было бы идеально найти осколки стекол или следы краски, но об этом и мечтать нечего. В любом случае самым лучшим будет отправить на экспертизу в Департамент транспорта все пригодные для этого элементы.

«Космонавт» обернулся к двум своим помощникам, которые двигались по поляне с такой осторожностью, словно и вправду находились на планете с разреженной атмосферой. Сервас ощутил легкое головокружение. Было в этой поляне что-то глубоко волнующее. А может быть, он просто подумал о том, что пришлось пережить погибшему мальчику.

– Как бы там ни было, а здесь совсем недавно толпилось довольно много народу, – продолжал техник. – Есть следы от ботинок, и все они больших размеров.

Сервас покачал головой.

Охотники... Он подумал, каково было тому перепуганному мальчишке, что вылезал из машины в темноту ночи. Он оказался среди людей, которые, судя по всему, собирались на него... *охотиться*. Какой же ужас он испытал... В висках у Серваса стучало. За долгие годы службы в полиции он насмотрелся всякого, сталкивался с разными людьми. Но кем же надо быть, чтобы сделать из человеческого существа... дичь!

Они вернулись на вершину холма, чтобы допросить водителя «Вольво».

– Я... я... я скорости не превышал, уверяю вас, – говорил человек, сидящий под тентом на раскладном стуле. – Я включил музыку, чтобы не заснуть... Аварии случаются совершенно неожиданно на тех дорогах, которые мы знаем как свои пять пальцев.

Его рука со стаканом кофе дрожала. По словам жандармов, его тест на алкоголь был отрицательным.

– Бедный парень, – бормотал он, щуря покрасневшие глаза. – Кто же мог такое сделать?

– Какое *такое*? – переспросила Самира.

– Ну... надеть на него оленью голову... и гнать по лесу... – отвечал водитель.

– А что именно заставляет вас думать, что его гнали по лесу? – не унималась она.

Он поднял на нее испуганные глаза, в полном замешательстве от ее готического вида. На ней была длинная парка, отделанная искусственным мутоном, из-под челки цвета воронова крыла, закрывавшей почти весь лоб, глядели ярко подведенные глаза, а под тканевой маской четко вырисовывался силуэт головы. Бедняга водитель вытаращил глаза и застыл в оцепенении:

– Я ничего не знаю... Он... он выбежал... из леса... в три часа ночи... И вид у него был... вид у него был очень испуганный... в свете фар...

– Может быть, он испугался, что вы на него наедете? – возразила она. – Вы уверены, что не ехали слишком быстро?

Он быстро замотал головой:

– Нет, нет! Я не ехал слишком быстро! Было темно, я устал и ехал даже медленнее, чем обычно. Ведь вы же можете это проверить!

Тон его сделался умоляющим.

– Конечно, – ответила Самира, – это мы и собираемся сделать. Вы сказали жандармам, что возвращались из больницы.

– Да...

– Мы только что звонили в больницу: в вашем расписании дежурства есть окно в два с половиной часа.

Бедняга весь скукожился.

– Я немного вздремнул в машине, прежде чем ехать. Я... э-э... очень устал...

– Вам до дома двадцать минут езды, – сказала Самира. – Вы уже давно могли лежать в постели. Я вижу, вы женаты, – прибавила она, ткнув пальцем в его паспорт.

– Совершенно верно...

Теперь и голос у него задрожал.

– У вас на плече прилип чей-то длинный волос...

Он вздрогнул:

– А? Что?

В панике он опустил глаза и покосился на пальто, ничего не увидев, потому что там ничего и не было.

— Где вы были эти два с половиной часа?

Голос Самиры был холоден и ясен, и водитель бросил на нее отчаянный взгляд.

— Я был с подругой... Прошу вас, пожалуйста, не говорите ничего моей жене...

— А ваша... подруга сможет это подтвердить?

Он покачал головой и шмыгнул носом.

— Да... да... Мне очень жаль... А что мне будет за то, что я солгал?

— Там видно будет, — вмешался подошедший жандармский офицер. — Сейчас пять тридцать восемь, и начиная с сегодняшнего дня, с двадцать шестого октября, вы задержаны, — сказал он, обращаясь к водителю.

— Что?! — взвизгнул тот.

— Не расстраивайтесь, такова процедура, — сказала ему Самира.

— Если у вас еще есть вопросы к нему, передайте их через нас, — заявил офицер.

Здравствуй, сотрудничество между отделами.

— Комиссар, — обратился водитель к Сервасу, словно тот отличался от других и действовал самостоятельно

— Майор, — поправил его Сервас. — Я вас слушаю.

— Его глаза... *Я их разглядел в свете фар...* Когда он обернулся, то есть я хочу сказать, когда он удивился, увидев ма-

шину... Он уже был сильно напуган... Он не машины испугался, *это было что-то другое...* Такого страха я никогда ни у кого не видел.

Сервас застыл и подождал, когда эти слова дойдут до него. На секунду ему показалось, что все это происходит не с ним. Опять знакомое покалывание вдоль позвоночника... Люди, которые охотятся стаей, *как волки...* Голый юноша с головой оленя на плечах...

Он вдруг подумал о той оленьей голове, что лежала под тентом в прозрачном полиэтиленовом мешке. Он только что ее видел. У нее были мощные рога с отростками, которые он погладил сквозь полиэтилен. И острые, как копья, уши. И шелковистая шерсть, отливающая рыжим. А вот ни морды, ни ноздрей у нее не было. Вместо них был простой кожаный чехол с дырками для глаз и носа. И Сервас представил себе, каким красавцем был этот сказочный зверь, когда жил и дышал, прежде чем превратиться вот в такое убожество. И парнишку тоже представил живым и понял, что тот испытывал, когда изо всех сил удирает от преследователей с этой тяжелой штуковиной на голове.

«Должно быть, он задыхался, был на грани асфиксии. Ведь прорези для ноздрей были очень маленькие, а прорези для рта просто не было».

Серваса передернуло. Здесь за работу взялось Зло в чистейшем виде. Он узнавал каждую его приметку.

Было пять часов сорок три минуты утра понедельника,

двадцать шестого октября.

3

Они вернулись в комиссариат ровно в восемь. На третьем этаже царило лихорадочное возбуждение, и Серваса сразу удивило необычное для утра скопление народа.

Сквозь открытые двери были видны прильнувшие к приемникам группы. В воздухе, как обычно, висели напряжение и агрессивность, задержанные вели себя нагло и надменно и чуть ли не плевали в лицо следователей, а адвокаты требовали, чтобы к их клиентам относились уважительно.

– Что у вас тут происходит? – спросил он у коллеги из отдела уголовных преступлений, который шел по коридору, на ходу разговаривая по телефону.

Полицейский опустил телефон:

– А вы еще не в курсе? Выходные были горячие. С пятницы по воскресенье произошло шесть не связанных друг с другом нападений с ножом. Прошлой ночью в квартале Бельфонтен пьяные напали на прохожего, выходящего из метро, и ранили в спину. Его увезла «Скорая». В субботу вечером за медиатекой еще один прохожий получил два удара ножом. В пятницу какой-то малолетка ранил двух человек на площади Арно-Бернара. В это же время на авеню Миним какой-то человек был тяжело ранен в шею и грудь.

Чтобы сосчитать, ему понадобились пальцы обеих рук.

– И в тот же вечер еще двое порезали друг друга в драке на улице Украины. Рано утром в воскресенье на двух подростков напали на набережной Дорад: видимо, пытались отобрать мобильники.

Он перевел глаза с собственных пальцев на Серваса.

– А под конец, ночью в воскресенье на улице Жоржа Брасенса ссора соседей по дому закончилась поножовщиной с ранением в грудь. По-моему, это уже рекорд. Бо`льшую часть расследований передали в городскую Службу безопасности, остальные остались у нас.

«Хороши рекорды: кого больше побьют», – подумал Сервас. По всей стране прокатилась волна какого-то неумного бешенства и крушения властей. Каждый день на улицах разворачивалась настоящая война. И война эта была проиграна с самого начала, потому что полицейские выдавали друг друга, а судьи их либо презирали, либо оставляли на произвол судьбы. У них не было необходимого оснащения, их клеймили позором те, кто, по идее, должен был их прикрывать и защищать...

– У меня еще две кражи и два изнасилования, – вмешался коллега из отдела нравов, выходя из кабинета. – Что мне делать с десятками дел, которые уже ожидают решения? Жертвы звонят мне целыми днями, чтобы узнать, дадут ли ход их заявлениям. Что я им скажу?

– Надо пригласить сюда политиков и тех, кто любит давать советы, пусть побудут здесь несколько деньков, – заключила

Самира.

Все взгляды устремились на нее. Она сняла подбитую мехом парка, и в свете дня ее внешность не прошла незамеченной: на черном пуловере сияло слово АД, кожаные брюки со множеством молний, пряжек и заклепок были снабжены наколенниками и крагами, а на ногах красовались ботинки «Доктор Мартенс» на высоченной платформе. Все это вместе делало ее похожей на фанатку БДСМ.

Сервас вошел к себе в кабинет в сопровождении обоих помощников и велел им разобраться с порядком производства в LRPPN⁶ в третьей версии, которая была чуть менее колченогая, чем предыдущие. С течением лет уголовное судопроизводство постоянно усложнялось, а писанина отнимала все больше времени, в ущерб следствию.

И он уже в который раз спрашивал себя, годится ли для такого ремесла. В полицию он пошел по призванию. Вот уже почти тридцать лет он ночи напролет проводил за рулем, принося в жертву личную жизнь и преследуя одну цель: обезвредить наиболее опасных для общества преступников. Но сегодня правила поменялись: от полицейских ждали, чтобы с самого кабинета они занимались одним и тем же. Допросами, которые невозможно было проводить из-за страховочных мер и совершенно невозможных, а зачастую и противоречащих друг другу требований. Уголовное расследование

---

⁶ Программное обеспечение по ведению документации Национальной полиции (прим. пер.).

всегда было сложнейшей работой, требующей огромных усилий. Хитрый адвокат или непорядочный судья могли в одно мгновение уничтожить месяцы труда и, словно этого им было мало, еще и нагромоздить кучу помех и препятствий. О результатах говорит недвусмысленная статистика: резко выросла незаконная торговля, показатели убийств стали самыми высокими в Европе, в два раза выше, чем в Испании, Германии и даже в Италии, не в обиду будь сказано Гоморре...⁷

В ящике стола Сервас нащупал пачку парацетамола с кодеином. Его мучила мигрень. К счастью, он сделал себе запас еще до того, как эти лекарства перестали продавать без рецепта. В то время как в преступном мире царила безнаказанность, остальная часть общества становилась все более инфантильной от постоянных запретов и предписаний.

– Чернокожий парень, на которого надели оленью голову и, по всей видимости, охотились на него в лесу, как на дичь... Вы себе представляете, что начнется, если об этом пронюхает пресса? – раздался вдруг от двери чей-то голос. – Мы заинтересованы сделать расследование приоритетным, если этот чертов говнюк его утвердит...

Сервас поднял голову. В дверях стоял Шабрийяк, их новый патрон, человек лет пятидесяти, одетый в костюм, слишком узкий для его мощных плеч регбиста. Между тем как

---

⁷ Прозвище каморры, неаполитанской мафии, самой влиятельной из итальянских мафиозных группировок, согласно ряду оценок, – крупнейшего европейского наркоторговца.

брюшко больше напоминало о том стиле игры в регби, который практиковали еще в прошлом веке. Густые черные брови и зрачки с булавочную головку придавали ему страдальческий вид. Он сменил Стелена, который уехал завершать карьеру на Лазурный Берег, где климат был мягче, а с преступностью дела обстояли точно так же.

Сервас очень любил Стелена, который, не колеблясь, принимал рискованные решения, когда чувствовал, что это необходимо.

Он еще не успел оценить нового комиссара округа. По мнению одних, он был груб с подчиненными, другие считали его чистейшим продуктом бюрократии, дотошным и всегда готовым подстраховаться. Коллеги уже прозвали его Халком. Сервас с выводами не спешил.

– Я велел, чтобы вскрытие сделали как можно скорее, – объявил Халк.

Потом с подозрением покосился на наряд Самиры, постоял, поднял брови и переключил внимание на Серваса.

– Майор, вы хорошо знаете, что дело это очень деликатное. С сегодняшнего дня все ваши прочие дела уходят на второй план.

* * *

Он оглядел по очереди всех троих – Самиру, Венсана и Мартена – и торжественно повернулся к двери.

– Лейтенант, вы можете зайти?

В дверях появился молодой парень, синеглазый блондин с загаром заядлого серфера.

– Хочу представить вам нового коллегу: лейтенант Рафэль Кац, – произнес Шабрийяк. – Лейтенант прибыл к нам сразу после Канн-Эклюз⁸, закончив вторым в выпуске.

Он выдержал паузу, чтобы дать им переварить информацию.

– Как вам известно, выпуск этого года несколько запоздал из-за эпидемии. Благодаря высоким баллам лейтенант мог рассчитывать на более... гм... престижное распределение, но он выбрал Тулузу. Полагаю, вы окажете ему наилучший прием.

Он повернулся к молодому полицейскому.

– Вы поступаете в распоряжение майора Серваса, лейтенант, согласно вашему желанию.

Шабрийяк вышел, а Сервас удивленно уставился на новичка. С каких это пор выпускник Школы полиции, даже с отличными оценками, мог выбирать себе место службы? В знак приветствия лейтенант вместо рукопожатия кивнул всем головой.

– Я много слышал о вас, майор, – сказал он. – В Школе у нас был один преподаватель, слегка нонконформист, единственный, кто позволял себе иногда съезжать с катушек. Он часто приводил нам в пример ваши расследования, после за-

---

⁸ В Канн-Эклюз находится Школа полиции Франции (*прим. пер.*).

нятий и в узком кругу...

– Полагаю, примеры касались не только академической стороны дела.

Похоже, Кац улыбнулся под маской, во всяком случае, глаза его смеялись.

– Не только. Но его интересовал именно этот аспект – стремление выйти за рамки традиций, ваш новый взгляд на вещи, ваш... *радикальный нонконформизм*... Оттого он вас и приводил в пример. На вашем примере он учил нас ставить под сомнение старые схемы, идти намного дальше очевидного. Разумеется, учил очень осторожно, не афишируя.

– М-м-м, – промычал Сервас, хорошо знавший, насколько далеки от реальности курсы, которые преподаются в Школе полиции.

Он бросил быстрый взгляд на Самиру: та смотрела на новенького оценивающим взглядом. Сервас догадался, что в том, что касается внешности, Самира выставила ему хорошую отметку. Атлетически сложенный лейтенант выглядел прекрасно, по крайней мере, та его часть, что была видна. Но Сервас был уверен, что под маской скрывается симпатичная физиономия.

– Я попросился в Тулузу, потому что вырос в этих местах, – пояснил парень, – но у меня была еще и... тайная надежда работать с вами...

Сервас удивился:

– Да кто же сейчас, в две тысячи двадцатом, хочет быть

полицейским? А из тех, кто хочет, кто же станет ишачить на Уголовную полицию? Работы невпроворот, судебные процедуры сложны до крайности, куча сверхурочных, а результат минимальный. Тебя могут вызвать в любое время суток, ты жертвуешь личной жизнью, распечатываешь горы бумажек... Сегодня выпускников Школы полиции все это мало привлекает...

Он взглянул на Каца:

– И все же вы, с вашими-то оценками, проситесь в Уголовную полицию...

– Я уже говорил, майор, что в Школе полиции вы – настоящая легенда. Работа с вами – все равно что сбывшаяся мечта. Я чувствую, как у меня подскакивает уровень серотонина, – прибавил он.

Сервас поднял бровь.

– Уровень чего?

– Серотонина. Вам известно, что химические показатели мозга существенно отличаются у омаров-победителей и у омаров-побежденных? В случае победы уровень серотонина резко возрастает, а уровень октопамина резко падает. А в случае поражения все происходит наоборот. Высокий уровень октопамина делает омаров подавленными и пугливыми, а высокий уровень серотонина снимает напряжение, и они обретают уверенность в себе и былую шустрость.

– Вот черт, – пробормотала Самира за спиной у новичка, но достаточно громко, чтобы ее услышали.

Кац обернулся и оглядел ее с головы до ног с тем изумлением, которое франко-китайская марокканка обычно вызывала при первом знакомстве. Большинство людей старались скрыть свое изумление, но только не Кац. Кац был омаром-победителем, и в нем клокотал серотонин...

– Пойду, пожалуй, поищу туалет! – с энтузиазмом произнес он, направляясь к двери.

Когда блондин вышел, Самира посмотрела на Серваса, потом на Венсана:

– Омары?.. Это он серьезно? Блин, ну и классный подарок! К тому же он похож на нацика...

Сервас нахмурился.

– А что я такого сказала? Я же не говорю, что он нацик, я говорю – похож...

4

В лучах хирургической лампы тело вовсе не отбрасывало тени. Каждая анатомическая деталь, каждая пора кожи, каждая складочка были видны так ясно и четко, как какой-нибудь лунный кратер в солнечном свете. Было 17:30. Весь день они перераспределяли между собой задания и передавали текущие дела в ожидании звонка от судмедэксперта.

Вдруг в громкоговорителе взвыли первые ноты какой-то дикой, напыщенной музыки, на фоне хоров и отдаленно звучащего женского голоса. Рафаэль Кац и офицер жандарме-

рии застыли на месте.

– Вот ведь дьявол! – сказал молодой лейтенант.

Он даже дыхание затаил.

– «Затмение» «Пинк Флойд», – прибавил он. – Версия Ханса Циммера для фильма «Дюна»... Это... Умереть и не встать!

В следующую секунду в дверном проеме показалось красивое лицо, обрамленное гагатовой шевелюрой, и в прозекторскую торжественно, как римская весталка, несущая священный огонь, вошла Фатия Джеллали. Она двигалась в ярком свете вместе с музыкой, и от этого даже у Серваса по телу побежали мурашки. Она подняла глаза на сильно побледневшего Каца.

– Первое вскрытие? – спросила она молодого следователя, выключив музыку.

Кац кивнул. Доктор Джеллали посмотрела на Серваса:

– Мартен, если бы я тебя не знала, я решила бы, что это розыгрыш.

«Так это и есть розыгрыш», – подумал он. Он знал, что музыка произведет нужное впечатление. Такая мизансцена не лучшего пошиба была единственной причудой доктора Джеллали. Несомненно, таким способом она готовилась и концентрировалась, как боксер перед выходом на ринг. Ему было известно, что Кац уже присутствовал при вскрытии в Школе полиции, но сидя в амфитеатре, то есть далеко от тела и от неприятных запахов.

– Отпечатки... – сказал он.

– Скоро будут, – отозвалась она.

Доктор Джеллали вытащила из ящика стола прозрачные пакетики и осторожно начала обрабатывать щеточкой ногти убитого, потом приступила к взятию материала для анализа ДНК с подушечек пальцев. Прежде чем снять отпечатки, она запечатала каждую пробу. Когда отпечатки были сняты, она передала ярлычки с отпечатками своему ассистенту, высокому молчаливому бородачу, и тот, не говоря ни слова, направился к стоящему на циновке компьютеру.

После этого она включила магнитофон.

– Мы начинаем внешний осмотр тела. Рост метр восемьдесят два, вес шестьдесят девять килограммов, очень худощавый, цвет кожи от темного до очень темного, врожденных физических недостатков нет, татуировок не наблюдается, но имеются... да, имеются множественные раны и порезы на руках, ногах и груди...

Она описала все раны и порезы один за другим, все их измерила и подождала, пока присутствующий здесь фотограф из отдела судебной идентификации запечатлеет их во всех ракурсах.

– Все раны были нанесены, несомненно, острыми ветками и камнями, когда он бежал через лес. Взятые далее пробы должны это подтвердить.

Она приблизилась к голове юной жертвы, взяла ее руками в перчатках и осторожно подвигала, чтобы проверить ригид-

ность шеи. Кожа на лице была содрана слева до мяса, белки глаз налиты кровью.

– Волосы темные, короткие, выющиеся, – перечисляла она, – трех-четырехдневная щетина, кожный покров расцарапан, потертости и эрозии на уровне виска, щечной мышцы и нижней челюсти слева...

Сервас покосился на Рафаэля. Тот молча следил за всеми движениями доктора Джеллали, только радужки его голубых глаз стали черно-синими.

– Ни одна из этих ран не смертельна, – продолжала Фатия Джеллали, отойдя от стола. – Смерть наступила, по всей видимости, от удара о землю... Возможно, об автомобиль... – прибавила она, на этот раз не сводя глаз с жандармского офицера.

Она еще раз приподняла голову и с особой осторожностью прощупала шейные позвонки.

– Исследование черепной коробки, головного мозга и шейных позвонков это подтвердит.

Вооружившись подсветкой-стило, она наклонилась и осмотрела пожелтевшие глаза, рот, зубы, ноздри и уши, прощупала шею и вернулась к груди.

Сервас видел, как она выпрямилась и немного помолчала. Надо было знать ее, как знал он, чтобы уловить непередаваемую эмоцию, с которой она вздохнула и сказала:

– Бьюсь об заклад, что это проделали каленым железом...

– Что?

Он тоже склонился над валиками плоти, из которых составлялось слово ПРАВОСУДИЕ.

Доктор Джеллалли взглянула на него:

– Это требует подтверждения, но сильно на то похоже. В любом случае это выжгли еще до смерти... Бедного парня заклеямили, как скотину...

Она выдохнула. На протяжении своей карьеры она бесчисленное количество раз была свидетелем проявлений глупости, жестокости и эгоизма человеческой породы. Но к таким из ряда вон выходящим вещам привыкнуть было невозможно. Вернувшись к столу с инструментами, блестящими в свете хирургической лампы, она принялась их нервно перекладывать, и Сервас услышал звон металла о металл.

Он стоял неподвижно, затаив дыхание, и осмысливал это открытие. Что же оно может означать? Ему стало страшно, он все больше убеждался, что они столкнулись с преступлением, выходящим за все рамки. И ему вдруг захотелось оказаться где-нибудь далеко отсюда. Он знал, какие следы могут оставить такие расследования.

– Доктор, – раздался у них за спиной дрожащий голос жандармского офицера. – Доктор, майор... – стонал он.

Все обернулись к нему.

– Мертвец... *Он очнулся!*

Сервас оглянулся на прозекторский стол. У него вдруг закружилась голова и возникло ощущение, что из легких разом выкачали весь воздух. Офицер говорил правду: покойник, казалось, не просто их разглядывал, но и... да, он *приходил в чувство*.

Доктор Фатия Джеллали тоже обернулась, и глаза ее над маской выскочили из орбит.

– Это еще что за...

Это было все, что она смогла выговорить. Как в эпизоде «Ходячих мертвецов» покойник вернулся к жизни! Он корчился на столе, и зрачки его обезумевших глаз метались во все стороны.

Он силился что-то сказать, но не мог.

Фатия бросилась к телу живого мертвеца, у которого судорожно дергалась нога, а пальцы руки барабанили по металлу стола, словно пытались найти ритм. Он протяжно застонал, и с его губ сорвались несколько слов.

Сервасу показалось, что он различил «Ле кок»⁹.

Чушь какая-то, при чем тут петух? Наверное, он хотел сказать что-то другое. Но что? Может, это имя, вернее, фамилия: *Лекок*?

Сервас в оцепенении застыл перед этим зрелищем. Он

---

⁹ Le coq – петух (фр.).

никогда не видел ничего подобного. Как такое возможно? Ему показалось, что он попал в современную версию фильма «Реаниматор»¹⁰. Он присутствовал при десятках вскрытий, но впервые видел, чтобы покойник воскресал!

Но живой мертвец уже снова был распростерт на столе, и Фатия Джеллали, скрестив руки на груди юноши, делала ему непрямой массаж сердца, пытаясь вернуть к жизни.

– Черт возьми! – еле слышно прошептал Кац рядом с Мартенем.

Сервас заметил, что он побледнел до синевы.

– Вызывай реаниматоров! – крикнула Фатия своему ассистенту. – Скажи, чтобы немедленно явились в прозекторскую!

Бородач помчался к телефону. Фатия с отчаянной силой качала, нажимая на сложенные руки, потом сняла маску и попробовала восстановить дыхание рот в рот, снова принялась качать, еще и еще, пока в подвальное помещение прозекторской не ворвалась реанимационная бригада и не сменила ее. Сервасу показалось, что он попал в другое измерение и находится в состоянии невесомости.

Фатия Джеллали отошла от стола и взглянула на него опустошенными глазами.

– Слишком поздно, – сказала она. – На этот раз они не смогут его оживить.

Мартен смотрел на нее, не двигаясь, не в силах пошеве-

---

¹⁰ Фильм ужасов 1985 г. по рассказу Г. Ф. Лавкрафта.

литься.

– Что же все-таки произошло? – спросил он безжизненным голосом.

Она помолчала.

– Очень редко, но так бывает. Жертву объявляют умершей, но ее метаболизм лишь создает подобие смерти: тело остывает, оно не реагирует на гормональные стимуляторы, дыхание и пульс отсутствуют. И мы констатируем смерть.

Она была белая как мел.

– Возможно, дело в гипотермии... возможно, он впал в каталепсию. Бывали случаи, когда покойники «оживали» уже в морге, несколько часов спустя, как здесь. Они описаны в медицинской литературе.

– Но на этот раз он умер?

Рядом с ними реаниматоры пустили в ход дефибриллятор, и он ритмично шумел, то заряжаясь, то выпуская мощный разряд.

– Боюсь, что да... В любом случае через несколько минут мы получим подтверждение. Большинство не выживают после таких... «воскресений». Кровь слишком долго не попадала в ткани, и органы оказались слишком повреждены. Когда кровь возобновляет циркуляцию, возникает воспалительная реакция, и она по цепочке передается от органа к органу. Чаще всего такая реакция фатальна. Именно это только что и случилось с бедным парнем. Ужасно...

Она пошатнулась и оперлась о тьюфак на прозекторском

столе. Сервас поддержал ее, взяв за локоть. Ему пришло в голову, что Фатия Джеллали привыкла снимать кожу с мертвецов, разрезать им животы и залезать руками во внутренности, *но не смотреть, как они умирают у нее на глазах.*

– Черт, похоже, мне надо выйти подышать, – шепотом подал голос Рафаэль, который совсем позеленел.

Не дожидаясь ответа, он быстро вышел.

Фатия Джеллали посмотрела ему вслед и перевела глаза на Мартена.

– На первый раз ему хватило... – сказала она.

Сервас молча кивнул, взял ее за руку и сжал. Она ответила тем же. У обоих возникло странное ощущение, что и это прикосновение через латекс перчаток, и руки судмедэксперта были холодны от контакта с умершим. На какую-то долю секунды их глаза словно приросли друг к другу.

В кармане у Мартена завибрировал телефон, и он его достал. Звонил Шабрийяк.

– Да?

– Вы где, на вскрытии? – спросил окружной комиссар.

– У нас тут... возникла задержка, – ответил Мартен.

В трубке помолчали.

– Как только закончите, быстро зайдите ко мне. Мы вас ждем на экстренное совещание.

– Зачем? Что-нибудь случилось?

– Тот парень... Мы только что идентифицировали его отпечатки. У нас проблемы.

Было 23 часа с небольшим, когда следственная группа расположилась в зале собраний на третьем этаже. Слышались скрип стульев, покашливание, шорох бумаги, пахло скверным кофе. Пришли директора технического и научно-го отделов и еще двое полицейских: один из отдела по борьбе с наркотиками, другой из бригады саперов.

Через две минуты после всех появился Шабрийяк в накинутой на плечи куртке и принялся развязывать галстук жестом, который Сервас оценил как достойный актера средней руки. Он не стал садиться на стул, а устроился на краешке стола, упершись руками в бедра. Классическая поза территориального поведения: утверждение собственного авторитета. Он обвел глазами всех присутствующих.

– Итак, этого парня идентифицировали. Его зовут Муса Сарр, ему восемнадцать лет. – Тут Шабрийяк выдержал паузу. – У этого мальчика родословная, достойная чистопородного бигля. Наркотрафик, посягательства с применением насилия, он заподозрен по меньшей мере в сорока ограблениях, трижды содержался в специализированном центре в Лаворе...

Наверное, так говорил бы заводчик коней в Довиле, расхваливая своего жеребца-одногодка. Сервас потер веки. Прерванное вскрытие возобновилось через час, когда двое

врачей констатировали смерть. Длилось оно три часа с лишним. Доктор Фатия Джеллали диагностировала смерть от черепно-мозговой травмы, посттравматической воспалительной реакции и остановки сердца. Выходя из подвального помещения больницы, где находилась прозекторская, Мартен позвонил Леа, чтобы предупредить, что не знает, когда вернется.

– Хорошо, – сказала она, и в ее голосе он уловил нервозность.

Она, должно быть, тоже по голосу почувствовала, как он измучен. После событий в Эгвиве два года назад¹¹ Леа боялась, как бы его расследования не отразились на их семейной жизни.

– Я устала, – прибавила она. – День был долгий и тяжелый. Гюстава я уложила. Я сегодня вечером рассчитывала поговорить с тобой кое о чем очень важном, но это подождет до завтра...

Он почувствовал в ее голосе какое-то беспокойство.

– О важном... то есть?

– Ну да, о важном для нас троих. Поговорим об этом завтра, Мартен. Дело не горит. Если я буду спать, ужин найдешь в холодильнике.

«Я не уверен, что сильно голоден, – подумал он. – Что она хотела сказать этим «важное для нас троих»? И вдруг ощутил тревогу. В голосе Леа появилось что-то новое.

---

¹¹ См. роман «Долина».

– Затем, в один прекрасный день, покончив с ограблениями, – продолжал окружной инспектор, конкретно ни к кому не обращаясь, – Муса занялся трафиком дури. В январе две тысячи девятнадцатого, во время полицейской облавы, его арестовали в квартале Мазад, на съемной квартире, где хранились наркотики, и антикриминальная бригада обнаружила там больше четырех тысяч евро наличными, десять килограммов каннабиса, гашиш, экстази, маски с прорезями для глаз и боеприпасы. Его адвокат подчеркивал, что квартира записана не на него, а он туда пришел просто... хм... *поиграть в компьютерные игры.*

Шабрийяк поднял глаза от своих бумаг и констатировал, что ему удалось заставить некоторых улыбнуться под масками.

– Так вот, хотите верьте, хотите нет, а дело кончилось ничем: его отпустили «за отсутствием состава преступления», как сказал судья.

По небольшому собранию прокатился ропот.

Спустя два месяца все повторилось: он оказался замешан в очень грязной истории. На этот раз влип серьезно. Вот тут-то все и осложняется: *и для него, и для нас...*

Он снова выдержал театральную паузу. Сервас отметил про себя, что этими приемчиками ярмарочного фокусника шефу удалось привлечь внимание.

– Не успел Муса вернуться в лицей, как одна девушка обвинила его в изнасиловании...

Окружной комиссар закатал рукава на волосатых руках.

– Дело действительно очень серьезное и грязное: девушка была несовершеннолетней. Ее раздели и изнасиловали в автомобиле по меньшей мере двадцать подонков. Он был единственным из всех, кого она опознала: незадолго до события они встречались. Девушка объяснила, что в тот день он назначил ей свидание, которое оказалось ловушкой. Парень громко заявлял, что невиновен. Но на этот раз его подвергли судебному следствию и взяли под стражу. На заседании трибунала его адвокаты делали все, чтобы дискредитировать свидетельство девушки и запачкать ее репутацию. Они заявляли, что она – девица легкого поведения, на все соглашалась и вообще была под наркотиком. По их словам, девчонка была – палец в рот не клади, могла за себя постоять. Но следы на теле, вагинальные и анальные повреждения, произведенные предметом, который медики не идентифицировали и не установили, говорили не в пользу такой версии. Муса Сарр, единственный из насильников, кого опознала девушка, продолжал настаивать на своей невинности и отказался выдать сообщников. Его закрыли на восемь лет, что является минимальным сроком за изнасилование. Если умело повести дело о сокращении срока, он мог надеяться выйти через четыре года. Четыре года в тюрьме в его возрасте – не подарок... Но нашему юному Мусе чертовски повезло. О да...

Шабрийяк умел обставлять такие эффекты. Все сидящие

вокруг стола не сводили глаз с его губ. И было видно, что окружному комиссару это очень нравится.

– Почти сразу после водворения в тюрьму его выпустили на свободу по решению председателя следственной палаты, после того как адвокаты представили срочное решение суда об освобождении.

Вокруг стола снова раздался шумок. Сервас помнил эту историю: прошлой весной в руководстве апелляционного суда, в чьи задачи входило контролировать работу тулузских следователей, сменился начальник. И новая председательша сразу же всех поразила, начав одного за другим выпускать всех, кто проходил судебное следствие по тяжким делам. Объединение адвокатов Тулузы – тех, кто подавал жалобы на излишнюю суровость судей по делам освобождения и заключения, – такая неожиданная и внезапная судебная либеральность очень обрадовала. Следователи решили, что на улицу проходимцев пришел праздник и такая смена власти сулит трудные времена городским следственным службам.

– Сарра выпустили не потому, что доказательства были слишком легковесны, и не потому, что его вина вовсе не была доказана. Нет, нет...

На этот раз Сервас почувствовал, что аудиторией овладевают нетерпение и раздражение.

– Нет, это случилось из-за нарушения процедуры: следственный судья забыл предупредить попечителя Мусы, в

данном случае его старшего брата, в ходе судебного следствия.

Шеф закончил свою речь, и зал взорвался. Начался галдеж, крики. Сервас покачал головой. Попечительство было мерой юридической защиты, облегченным видом опекуна, при котором попечитель давал советы своему подопечному и контролировал его – поскольку тот считался неспособным брать ответственность на себя – в тех случаях, когда его действия влекли за собой серьезные последствия, например, в случае общения с судебными инстанциями. На бытовом же уровне подопечный был абсолютно свободен в своих поступках.

– А теперь он мертв, после того как его травили, как дикого зверя, в Арьежском лесу, и у него на груди выжжено слово ПРАВОСУДИЕ, – резко бросил окружной комиссар. – Как думаете, к чему я клоню?

Сжатые кулаки на столе, руки напряжены... Шабрийяк наклонился вперед:

– Словно кто-то совершил то самое правосудие, которого парень избежал... *И если мы в ближайшее время не найдем виновного, кого обвинят в его убийстве?*

– Родителей той девушки? – предположил кто-то.

– Совершенно верно. И как, по-вашему, кого еще? Не будем забывать, что, если информационные каналы и соцсети вцепятся в эту историю, она раздуется, как лягушка, которая захотела стать больше вола. Понимаете, что за дерьмо?

– Понимаем, – мрачно подтвердила Самира.

– Майор, – обратился к Сервасу окружной комиссар, до-
вольный этой маленькой репризой, – не поделитесь ли с на-
ми результатами вскрытия?

– Охотничья луна, – произнес Мартен.

– Что?

– Первое, что сказала доктор Фатия Джеллали: *это все охотничья луна.*

На лице Шабрийяка появилось выражение полного обал-
дения. Тогда Сервас вкратце обрисовал то, что случилось ве-
чером. Не было нужды ни в каких особых подробностях, по-
тому что у всех и так глаза полезли на лоб, когда он поведал
об ожившем мертвеце. И снова за столом зашумели, разда-
лись возгласы изумления. И не надо было слишком стараться
всех поразить, когда он объяснил, что слово ПРАВОСУДИЕ
было выжжено на груди у парня тем самым раскаленным до-
красна железом, какое показывают в ковбойских фильмах.
Он почувствовал, что все разделили его убежденность, воз-
никшую еще после осмотра тела на шоссе: они столкнулись
со злом в его чистейшем проявлении.

– У парня из плеча торчала арбалетная стрела, – продол-
жал Сервас, – на вид стандартного производства. Ее отпра-
вили в лабораторию, чтобы определить, где она была сдела-
на, а главное – кто ее приобрел.

В зале стало так тихо, что можно было услышать, как муха
пролетит.

– Арбалетная стрела? – переспросил Шабрийяк.

– Похожий случай был в две тысячи восемнадцатом в Клиши, – вмешался Венсан Эсперандье, который уже успел порыться в интернете и в специальной литературе. – Мужчина выстрелил в голову своему сводному брату из арбалета, который только что приобрел. А еще он купил поперечную пилу, чтобы расчленить тело, морозильную камеру на шестьсот литров, чтобы его туда засунуть, и бромазепам, чтобы усыпить жертву, перед тем как убить. Еще один случай произошел в Германии в две тысячи девятнадцатом, в прелестном отеле в Пассау, – продолжал он. – Мужчина и женщина, расprostертые на постели, одетые во все черное, держась за руки, были пронзены арбалетными стрелами. В той же комнате на полу обнаружили тело третьей жертвы, тоже женщины, со стрелой в шее. А в шести километрах оттуда, в квартире третьей жертвы, нашли безжизненные тела еще двух женщин. Просто детективный роман. Есть еще случай: супружеские разборки в две тысячи девятом году в Нормандии...

– Все это только подтверждает гипотезу охоты, – сказала Самира. – *Для них он был дичью...*

У Серваса начало покалывать в затылке, и сердце вдруг заколотилось. Он с содроганием подумал о тех, кто за этим стоял, и вспомнил, что сказал ему техник тогда на поляне: это были взрослые люди. И с ними три автомобиля. И еще парень, голышом бегущий по лесу. В середине ночи. И Серваса опять передернуло.

– У парня не было шанса, – вдруг сказал он, повысив голос. – Вероятность того, что по этой дороге в такой час поедет машина, была ничтожна.

Он выдержал паузу.

Что бы они сделали, если бы Мусу Сарра не сбила машина? Если бы она вообще не появилась на шоссе? По словам водителя, Муса Сарр был сильно напуган еще до того, как увидел машину... Такого страха шофер «никогда и ни в чьих глазах еще не видел». Это его слова. Конечно, можно это свидетельство отнести к разряду эмоций. Но можно с уверенностью побиться об заклад, что, не будь этой машины, они догнали бы Мусу и убили, а потом уничтожили бы тело. И о нем бы больше даже разговоров не было.

– К чему вы клоните, майор? – спросил Шабрийяк неуверенным голосом, словно боялся услышать ответ.

– Они все отлично организовали... Нашли эту поляну в никому не известном месте, куда трудно добраться на автомобиле... Возможно, у них были свои наблюдатели: по сведениям технической службы, их было по меньшей мере полдюжины, и по меньшей мере три автомобиля... И была оленья голова... В этой истории нет ничего ни банального, ни случайного.

– И что?

– А то, что, возможно, это не первая их вылазка. Что, если они не впервые так... *охотятся*?

В зале снова на несколько секунд воцарилась мертвая ти-

шина. Значит, дичью могли стать и другие... По присутствующим прошел холодок страха. Сервас вспомнил парня, очнувшегося на прозекторском столе, и желудок у него свело судорогой.

– Вот черт... – мрачно произнес кто-то.

– В этом случае надо выяснить, нет ли среди пропавших в регионе людей, похожих по характеристикам на этого парня, – предложил Эсперандье.

Сервас понял, что напряжение достигло апогея.

– Спокойно, – утихомирил аудиторию Шабрийяк, подняв руки. – Спокойно... На данный момент эта гипотеза ничем не подтверждена.

– Но ее нельзя и не принимать во внимание, – возразила Самаира, положив на стол ботинки на высокой платформе и развалясь на стуле.

Раздраженно отмахнувшись от возражения, окружной комиссар посмотрел на часы.

– Уже поздно, а нам еще работать и работать. Нам осталось несколько часов, чтобы все прояснить, прежде чем сообщить семье о гибели Мусы. Разумеется, история с «ожившим мертвецом» в морге не должна выйти за пределы этих стен. Судебно-медицинская служба не выдаст информацию прессе? Судмедэксперту можно доверять? – спросил он, обращаясь к Сервасу.

– Могила. Абсолютно неболтлива, как ее клиенты.

Сервас увидел несколько улыбок под масками, но напря-

жение не спадало. Дурное предчувствие отбило у всех охоту шутить, как это обычно и бывало: все прекрасно понимали, что ближайшие часы, да и ближайшие дни, обещают быть беспокойными.

– Ладно, майор, предоставляю вам распределить задания. Завтра утром вы первым делом отправитесь к семье.

Он выдержал паузу и, прежде чем продолжить, обвел глазами стол, задержав взгляд на каждом из присутствующих:

– Проверяйте все дважды. Рапорты составляйте безупречно. Если нужно, работайте ночью. Потому что это дело, поверьте мне, наделает столько шума, что чертям в аду тошно станет. Да-да. На нас надвигается циклон.

«Не столько циклон, сколько грязевая буря», – подумал каждый.

Вторник

7

Они выехали на окружную дорогу в направлении Мирея, квартала на западе города. Через четверть часа они припарковались на площади перед огромным массивом жилых домов.

Небо было ясное и сияющее, а когда они вышли из машины, лица им пощипывал холодок. Они отправились на старом «Клио» Самиры. Номерные знаки машин, переданных в распоряжение комиссариата – а полицейский парк не меняли уже три года, – были хорошо известны хулиганам с арматуринами. И полиция уже давно не отваживалась появляться в этих местах без сопровождения ковбоев из антикриминальных бригад или местных спецотрядов.

Сервас поймал себя на мысли, что первыми жертвами в этой ситуации становились сами обитатели. У этих людей не было средств, чтобы уехать жить в другое место. Они возвращались с работы поздно, усталые, но должны были засвидетельствовать свою благонадежность у дилеров. Очень часто они вставляли ни свет ни заря, чтобы убрать кабинеты тех же дилеров, которые жили в более приличных местах, занимались более пристойными делами и находили для членов этих

группировок всевозможные оправдания, первое из которых, а именно то, что они выросли в этих кварталах, принималось безоговорочно.

Они быстро шли между деревьями, мимо газонов на площади: на крышах и в закоулках сидели мальчишки-наблюдатели, у которых был нюх на полицейских в штатском. Они поехали только вдвоем с Самирой: нечего привлекать к себе внимание. В вестибюль они вошли, как в пропасть провалились. На их счастье, было еще рано, и точки сбыта наркоты, эти фильтрационные заслоны у входа в каждый дом, еще не были выставлены.

Код набирать не понадобилось: стеклянная дверь была заблокирована в открытом виде. В вестибюле было пусто. Сервас нажал на кнопку лифта. Никакой реакции. Неоновые лампы мигали. Утреннее солнце прочерчивало светлые диагонали на стеклах, и Самира подумала, что если снаружи обсадить все деревьями и вырыть искусственное озеро, то может получиться очень симпатичное местечко. Ну хотя бы в определенные моменты дня... Сервас снова нажал на кнопку. Ничего. Они вошли на лестничную клетку. Внизу возле ступенек тянулся металлический барьер, вроде тех, что ставят блюстители порядка. Чуть позже он послужит дилерам, чтобы фильтровать входящих и не впускать нежелательных посетителей.

Поднимаясь по лестнице, Сервас прислушивался. Среди всех звуков и шумов, раздающихся на лестнице, трудно раз-

личить те, что могут быть опасны.

Когда они позвонили, за дверью раздались голоса и слышались шаги: кто-то шел открывать. Дверь распахнулась. На пороге стоял мужчина лет тридцати в толстовке, черных джинсах и спортивных сандалиях. Сервас его узнал. Он видел его фото в досье, которое успел пробежать глазами, прежде чем заснул в кабинете за столом, положив голову на сложенные руки. Шариф Сарр. Старший брат. Попечитель Мусы.

Взгляд у него был острый и смертоносный, как будто вместо черных зрачков сверкали два кинжала. Лицо с квадратной нижней челюстью обрамляла длинная, остриженная прямоугольником борода. Хлопчатый свитер топорщился на груди, плечах и руках от выпуклых, накачанных мускулов.

Сервас предъявил ему удостоверение. Шариф Сарр на него даже не взглянул, а просто пристально посмотрел Мартену в глаза. Его жесткое лицо было лишено всякого выражения. Сервас напрягся. Что-то пошло не так: Шариф явно знал, кто перед ним стоит, а самое главное – *он ожидал их прихода*.

Он молча придержал открытую дверь, и Сервас с Самирой вошли. Сквозь тонкую переборку из соседней квартиры доносились звуки телевизора. Пройдя по коридору, они оказались в гостиной. Там горько рыдала женщина лет пятидесяти, с искаженным мукой лицом. Посередине комнаты стоял мужчина примерно того же возраста, в костюме и при

галстук. По их позам и поведению Сервас понял, что они не супружеская пара. Впрочем, в досье он прочел, что Мусу Сарра воспитывала одна только мать.

Мужчина в костюме испытующе их разглядывал, зажав пальцами нос, словно спасаясь от дурного запаха. Вряд ли он был действительно расстроен, просто афишировал трагичность ситуации. Адвокат, решил Сервас. Почему он здесь? Чтобы удостовериться, что полиция хорошо работает?

– Мадам, примите мои соболезнования, – начал Мартен. – Могу я узнать, кто предупредил вас?

Справа, где-то за пределами видимости, раздался женский голос, резкий, как наждак, а потом типичный хриплый кашель курильщика.

– Я предупредила, майор.

8

Эстер Копельман. Пятьдесят три года. Репортер газеты «Ля Гаронн». С этой дамой они часто пересекались. Она обладала всеми качествами хорошего журналиста: боевитая, жесткая, ушлая, она никогда не довольствовалась информацией из вторых рук и регулярно устраивала разнос своим сотрудникам, которые коверкали имена, терзали синтаксис и путали сплетни с фактами.

Жадная до работы, независимая, она обладала и главными недостатками людей своей профессии, и если уж поддержи-

вала версию о чьей-либо причастности к преступлению, то с радостью плевала и на все тайны следствия, и на презумпцию невиновности.

И внешность у нее была весьма своеобразная: рост метр пятьдесят два без каблуков, лицо широкое и плоское, вьющиеся волосы, видимо, выкрашенные в темно-коричневый цвет, по оттенку напоминавший сапожную ваксу, и сильно накрашенные губы и брови.

– Здравствуйте, Эстер, – сказал Сервас.

– Привет, Мартен.

– Кто вам сказал? – поинтересовался он.

– Вы что, всерьез думаете, что я отвечу на этот вопрос?

В отличие от троих остальных, она носила маску. Однако сейчас маска была спущена вниз, потому что она смаковала чашечку кофе, придерживая блюдечко. Сервас готов был побиться об заклад, что им с Самирой кофе никто не предложит.

– Что произошло с Мусой? – в упор спросил человек в костюме. – Верно ли, как сообщила нам мадам Копельман, что его... гнали по лесу какие-то люди, а потом сбила машина?

Застигнутый врасплох, Сервас прищурился и в нерешительности взглянул на плачущую мать.

– С кем имею честь? – спросил он.

– Мэтр Фонбель, – ответил адвокат, поправив галстук и смерив полицейского взглядом. – Я защищаю интересы семьи.

Сервас посмотрел на адвоката, потом перевел взгляд на мать. Ее заплаканные глаза на секунду остановились на Самире, и, похоже, зрелище ее смутило. Тогда Мартен сделал знак Самире, и она начала рассказывать. Она описала аварию и погоню в лесу, опустив при этом, что у Мусы на груди было выжжено слово ПРАВОСУДИЕ, что он очнулся на прозекторском столе и что на голове у него была маска в виде головы оленя.

Сервас наблюдал за реакцией мадам Сарр. Страдание ее было огромно, целый океан слез. Этот образ – ее сын, бегущий по лесу от преследователей, как дикий зверь, – останется с ней до конца ее дней. Для нее Муса будет вечно бежать по этому лесу. Таково уж человеческое горе. И такова уж самая трудная сторона ремесла сыщика: быть гонцом с дурными новостями и отнимать и радости, и надежды.

Самира тоже выразила соболезнования матери и брату погибшего и повернулась, чтобы посмотреть на него. Шариф сразу же смерил «легавую» презрительным взглядом, в котором сквозили и почти физическое отвращение, и принципиальная классовая ненависть. И не только потому, что она была полицейским арабского происхождения, а потому, что она была *женищиной-полицейским с арабскими корнями*. Что еще презреннее в глазах Сарра. Самира глаз не опустила, и Серваса поразила безмерная, жгучая ярость, которая вспыхнула в глазах старшего брата.

– У вас уже есть подозреваемый? – поинтересовался ад-

вокат.

– Мы только что приступили к расследованию, мэтр.

– Это верно, что у него на груди было выжжено слово ПРАВОСУДИЕ? – спросил Шариф Сарр голосом, в котором звенело бешенство.

Сервас вздрогнул. Мать снова залилась слезами. Адвокат шагнул к ней, но Шариф быстро пересек комнату, оттолкнул адвоката и обнял мать. Не выпуская ее из объятий, он повернулся к остальным. Глаза его сверкали.

– Это точно кто-то из легавых, – выкрикнул он. – Всем известно, что полицейские расисты. По вашей милости мой младший брат чуть не угодил в тюрьму, хотя был невиновен!

– Это вы убили моего сына! – вдруг взвыла мать. – Вы убийцы, душегубы!

Сервас без слов застыл на месте, словно ему дали пощечину. Впрочем, этот гнев был ему понятен. Разве он сам не впал в ярость, когда кто-нибудь из коллег поддерживал взгляд на полицию как на структуру расистского толка, и тем самым бесчестил всю профессию? Он повернулся к журналистке:

– Это вы вселили в их головы такую мысль?

Эстер Копельман молча, с непроницаемым видом его разглядывала. Тогда он обратился к матери.

– Я хотел бы с вами поговорить без присутствия этих людей, – сказал он ей и Шарифу, указав подбородком на адвоката и репортершу.

– Я остаюсь, и никаких разговоров, – отрезал адвокат.

Сервас подавил вздох. Мать Мусы Сарра обернулась к Эстер Копельман. Та нагнула голову и поставила свою чашку на стол в углу столовой.

— Мадам Сарр, позвольте снова выразить вам мои соболезнования. Я вам действительно искренне сочувствую. Шариф, позаботьтесь о матери.

И она направилась к двери, на ходу попрощавшись с Сервасом.

* * *

— Когда вы видели сына в последний раз? — спросил он. Мать бросила на него опасливый, враждебный взгляд и замялась.

— В пятницу... или в четверг... пожалуй, в четверг.

Они сидели в гостиной на диване и двух креслах.

— А когда он вам в последний раз звонил?

— Я не помню... На прошлой неделе... Он редко мне звонил.

— А в эти выходные звонил?

Она промокнула глаза платком:

— Нет.

— То есть с четверга у вас о нем не было никаких известий?

Мать заерзала на диване и помотала головой.

— И это вас не беспокоило?

— Муса был уже совершеннолетний, — вмешался Шариф,

сидевший в кресле справа от Серваса. — Он не всегда ночевал дома, то исчезал, то появлялся. И в этом не было ничего особенного.

— А где он ночевал, если не ночевал дома? — тихо спросила Самира.

Шариф Сарр ответил, глядя только на Мартена:

— У друзей... У женщин... Я мало об этом знаю... Повторяю еще раз: Муса был достаточно взрослый, чтобы распоряжаться собой.

— И все же вы были его попечителем, — заметил Сервас.

Шариф вздохнул. В воздухе повисла осязаемая недомолвка.

— Меня назначил судья... Это все идиотское правосудие с их дебильными правилами. Спрашивается, где они только все это берут...

— И вы помните, когда говорили с ним в последний раз?

Шариф снова испепелил его взглядом:

— К чему все эти вопросы? Я уже вам сказал: ищите прежде всего среди вас... Это вы его убили, — повторил он. — Вы или кто-нибудь из ваших... А теперь вы делаете вид, что расследуете... Но я знаю, что это все для проформы, чтобы сказать потом: «Видите, мы же провели расследование». Я знаю, что дело быстро закроют...

— Ответьте на вопрос.

— В четверг вечером. Он мне позвонил и сказал, что ночевать не придет, а останется у друзей. Сейчас каникулы, и

занятий у него не было.

– У него были враги?

Зрачки у Шарифа сузились.

– Да мать вашу, сколько раз вам повторять? Вы, легавые! – снова выхаркнул он. – Только дети ваших легавых шлюх могли такое сотворить!

Мартен проигнорировал оскорбление.

– А кроме нас?

– Как насчет семьи той девчонки, что обвиняла его в изнасиловании, что скажете? – предположил парень совершенно хладнокровно.

«Нашел дурака», – подумал Сервас.

– Когда можно будет получить тело? – спросила мать. – Его уже пора похоронить...

– Скоро, – уклончиво ответил он и встал.

– Мне надо осмотреть его комнату, если позволите. Туда кто-нибудь заходил после четверга?

– Я, – слабым голосом ответила мать, – чтобы поменять белье и прибрать.

* * *

Постеры на стенах изображали рэперов с мускулистыми торсами, обвешанных золотом, как античные полубоги, только в бейсболках с прямым козырьком. Рядом висели афиши концертов, реклама мощных, сверкающих автомоби-

лей, а напротив – фото девиц в бикини.

Вот он, полный каталог желанного и недостижимого: фантастическая вселенная, искусственная реальность, предназначенная маскировать настоящую. Ту, что из бетона и обмана, пригородную зону, отодвинутую подальше от центра, где поселяли таких парней, как Муса, в надежде, что их бешенство не дохлестнет до благополучных кварталов. Но, сколько ни огораживайся окружными путями и кусками «ничейной земли», поток гнева все равно вырвется наружу. Когда вы, поколение за поколением, ощущаете себя элементом маргинальным, обесцененным изгоем, который во всем виноват, как тут не взрастить в себе ненависть и желание поквитаться?

Сервас и Самира надели синие акриловые перчатки и принялись поднимать подушку и матрас, заглядывать под кровать, открывать ящики небольшого письменного стола, рыться в платяном шкафу, осматривать этажерки.

– Вот, смотри, – сказала Самира, разглядывая постер «GTA¹² V». – Мальчик чуть ли не с пеленок играет в сверхжестокие компьютерные игры, где надо убивать, бить и воровать, чтобы заработать очки. Он слушает тех рэперов, что выдают себя за гангстеров и хвастают поступками, которых не совершали. К тому же он знает, что у него нет будущего и

---

¹² «Grand Theft Auto» – «Некислый угон»; серия компьютерных игр, где персонажи совершают различного рода противоправные действия, используя угнанные машины (англ.).

что гораздо легче зарабатывать себе на жизнь бизнесом, чем любой нормальной работой... И я спрашиваю себя, какова вероятность, что он пойдет по плохой дорожке, и какова – что по хорошей?

«Отличный вопрос», – подумал Сервас.

– Обрати внимание, я тоже люблю рэп и компьютерные игры, – продолжала она, роясь в вещах. – Существует рэп со смыслом, его исполняют талантливые мальчики и девочки... И я не настолько глупа, чтобы думать, что игра в такие игры сделает из тебя психопата.

Она просмотрела ящик и показала Сервасу три ключа USB и внешний жесткий диск и опустила их в пакет для электронных вещдоков, который достала из кармана.

– Неважно. Все эти лжегангстеры, которые строят из себя важных персон, чтобы продать свою музыку, эти шуты, которые выворачивают детские мозги наизнанку, – вот кого надо сажать в тюрьму...

Голос ее дрожал от гнева.

– Внимание, соберись, – посоветовал ей Мартен.

– Ага... А игровую консоль тоже забираем?

Он запнулся, посмотрев на «PlayStation 4», лежавшую на столе.

– Да. В ней могут быть данные из интернета, каталоги или внешние контакты.

Самира сунула консоль в большой прямоугольный пакет и включила ноутбук, но он был запаролен. Она его выключи-

да, закрыла и опустила в другой металлизированный серый пакет.

– Посмотри-ка, – сказала она.

Рукой в перчатке она подняла вверх книгу карманного издания. Коран. Открыла, перелистала. Книга пестрела пометками. На титульном листе было написано авторучкой: *Шариф Сарр*.

* * *

Сервас посмотрел на часы. 9:30. Потом быстро выглянул в окно. Пора было уходить.

– Я буду держать вас в курсе всех продвижений расследования, разумеется, в той мере, в какой это не помешает следственным действиям, – сказал он матери. – Вы можете прийти в комиссариат, когда захотите. Спросите меня, и я к вам сразу спущусь.

Он протянул ей свою визитку. Она еле слышно поблагодарила. Из угла за ними пристально наблюдал Шариф Сарр.

Снаружи небо над домами затянуло темно-серыми облаками, и все вокруг словно покрылось пеплом, отняв у людей радость, которую солнечный свет приносит с собой даже в самые унылые места.

Они дошли до «Клио», припаркованного чуть поодаль. Рядом с машиной возле дерева, сдвинув маску на подбородок, курила Эстер Копельман. Она наблюдала, как они под-

ходят, прищурившись за облачком сигаретного дыма.

– Нет ли для меня какой информации, майор?

Самира, не обращая внимания на журналистку, спокойно открыла машину.

– На данном этапе нет, – ответил он. – Ну, разве что вы мне сообщите, кто вас информировал о происшествии.

– Сожалею, майор, у меня своя этика.

– Вот это новость...

– Вам бы не надо здесь задерживаться, – резко бросила журналистка, прислонившись спиной к платану и с опаской поглядывая в узкий проход между домами. – Там возникло какое-то движение... Думаю, вас уже засекли.

– А вы, Эстер, не боитесь болтаться в этом районе в одиночку?

– Я никому не показываю мое удостоверение журналиста... А так... кому нужна старая покрашенная тетка, которая курит одну сигарету за другой?

Сервас рассмеялся.

– Давайте, Мартен, киньте мне хоть маленькую косточку... А я сварганю правдивую статью, вот вам мое слово.

Он вздохнул и обошел машину.

– Нам очень поможет, если прекратятся сплетни и злословие.

– Помогать надо не вам, а людям, которые здесь живут, – возразила Эстер Копельман. – Их все бросили.

Он покачал головой и открыл дверцу автомобиля.

– До свидания, Эстер.

– Вы действительно не хотите узнать, с кем не так давно встречался мальчик?

Сервас застыл на месте.

– Это как понимать?

– Услуга за услугу, майор.

Она подняла глаза к балконам ближних домов.

– Осторожно! – резко бросила она.

Сервас проследил за ее взглядом и отскочил в сторону. Ветровое стекло «Клио» разлетелось вдребезги: в него влетел шар от петанка¹³, брошенный из окна. Металлический шар, летящий с такой скоростью, вполне способен раздробить череп.

– Паскуды! – взревела в ярости Самира.

И сразу же второй шар с грохотом ударил по крыше, оставив в ней воронку. Из проходов между домами раздался крики. Из дальних домов высыпали мальчишки. Масок на них не наблюдалось, а потому были хорошо видны разинутые в крике рты. Ватага неслась к ним.

– Надо валить отсюда! – крикнула Самира.

– На парне, – быстро сказал Сервас в сторону журналистки, – была оленья голова...

– Чья голова?..

---

¹³ Петанк – игра, в которой требуется кидать большие металлические шары так, чтобы они оказывались как можно ближе к маленькому шару-ориентире (*прим. пер.*).

– Оленья! Маска с молнией на затылке! А у вас что за информация?

Эстер Копельман вытаращила глаза. На миг она была действительно напрочь выбита из колеи. В следующий миг на шоссе метрах в четырех от «Клио» с грохотом упала стиральная машина. А за ней дождем полетела всякая всячина: гайки, бутылки, камни. Сервасу пришлось пригнуться, чтобы что-нибудь не влетело ему в лицо.

– Надо уходить! – снова крикнула Самира.

А Сервас вдруг вспомнил происшествие в Эрбле, одном из районов Парижа, несколько недель назад. Тогда двоих его коллег силком вытащили из машины, жестоко избили и покалечили, пробили им головы, перерезали бедренные артерии, а потом расстреляли из их же табельных пистолетов, целясь в низ живота и в колени. 18 июля в Лионе молодого жандарма убили после того, как протащили машиной больше восьмисот метров по асфальту. Ни один полицейский в этой стране не может не вспомнить об этом, когда ситуация накаляется. Информация проскочила в новостях буквально в течение трех минут, а потом о жертвах быстро позабыли. В отличие от других. Сервасу было больно думать, что такая несказанная дикость и жестокость возбуждает гораздо меньше интереса в прессе и вызывает гораздо меньше негодования в соцсетях, у некоторых политиков и артистов, чем статьи о полицейских-расистах, которых ему доводилось лично отправлять в тюрьму, настолько стыдно было за их деяния.

Его больно задевало, что у возмущения, как и у ненависти, существовала своя субординация. Но он знал, что это в порядке вещей. И в фильмах, и в литературе полицейский всегда представлял классовым врагом, вооруженной рукой государства, символом репрессий. Так было в течение веков, так и осталось во многих случаях.

Эстер Копельман осторожно отошла от дерева. Самира завела машину, и она быстро отпрыгнула назад и наклонилась к Сервасу. Мальчишки были уже метрах в тридцати от них.

– Давай, Мартен, садись!

Когда-то Эрик Ланг, которого подозревали в нескольких убийствах, сказал ему: «Вы занимаетесь грязным ремеслом». А персонаж фильма «Часовщик из Сен-Поля», который он видел в каком-то маленьком кинотеатре, говорил: «Дайте разрешение на ношение оружия и револьвер рабочему – и он станет полицейским». А еще он знал, что и солидарность, и сочувствие всегда действуют только в границах клана, группы, братства или церковного сообщества и редко выходят за эти границы. Практически никогда...

Огромный камень из мостовой влетел в салон через разбитое ветровое стекло и плюхнулся на заднее сиденье. В это время журналистка с поразительным хладнокровием проходила мимо машины, словно все это ее не касалось.

– Мусу Сарра, – бросила она, удаляясь, – несколько раз видели в компании какого-то явно нездешнего человека. На вид богатого. *Белого.*

Ночь понедельника, 26 октября. Ариана вслушивалась в тишину. Страх был здесь всегда. Повсюду. Сильный страх. Ей никак не удавалось унять бьющееся сердце.

Однако в доме не слышалось никаких звуков, могущих вызвать ночные страхи, но разве отсутствие звуков менее тревожно, чем сами звуки? Теперь Ариану пугало *абсолютно все*. Например, голос какого-то незнакомого человека за дверью. Или чьи-то шаги на улице у нее за спиной. На факультете один из знакомых рассказывал ей о Накбе. Это арабское слово означало «катастрофа» или «катаклизм». Оно относилось к исходу семисот тысяч палестинцев, согнанных с земель после арабо-израильской войны 1948 года. Она запомнила слово. *Накба*... А теперь у нее самой случилась ее собственная «Накба». Собственная катастрофа.

Ей вдруг захотелось, чтобы наступило утро. Утро было тем берегом, до которого она пыталась добраться каждый день, когда наступала ночь. День за днем. Как пловец на исходе сил. Но прежде всего надо было пережить ночь. Вместе с ночью возвращались воспоминания об их криках, о смехе, о лапающих ее руках, о жарком дыхании у нее на лице, обо всем...

Она почувствовала, как по щеке сбежала слеза. Внезапно накатила тошнота. Но это, наверное, от страха. У себя в

спальне в конце коридора она вдруг почувствовала, что совсем беззащитна. Когда она была маленькая, ей часто снились кошмары. В юности она где-то прочитала, что в японском фольклоре есть существо, которое питается снами и кошмарами. *Ба`ку*. Она обожала все, что относилось к японской культуре. Ей нравились манги¹⁴, аниме¹⁵. До прошлого года она не знала, что *баку* на самом деле существуют. Это люди, которые питаются кошмарами других и сами эти кошмары создают.

Она встала с постели, вышла из спальни, прошла по коридору и открыла дверь в спальню на другом его конце.

Родители спали крепко и не слышали, как скрипнула дверь. Их дыхание было глубоким и ровным. Они лежали на широкой кровати в метре друг от друга, отец на спине, а мать на боку, беззащитные, как антилопы посреди саванны.

Луна проникала сквозь шторы и освещала их бледные лица. Такие бледные, как... как у мертвецов. Ариана на миг представила их в гробах, стоящих рядом, и кожа ее под пижамой покрылась мурашками. Ее снова затошнило, когда она подумала, что же станет с ней, когда папа и мама умрут. Кто же ее тогда поддержит? Что же будет с ней в этом огромном пустом доме, наедине с хищниками, что слоняются во-круг? С хищниками, что выслеживают невинную добычу, такую, как она?

---

¹⁴ Манга – японские комиксы.

¹⁵ Аниме – японские мультсериалы, очень часто созданные на основе манг.

Ариана на цыпочках подошла к креслу в углу возле окна, свернулась в клубок, укрывшись пледом до самого подбородка. Потом вгляделась в лица спящих родителей и закрыла глаза. Дыхание ее стало спокойным и ровным. Через секунду она уже спала.

* * *

Ее разбудили чьи-то голоса. Ей сразу стало страшно, и она огляделась вокруг. Она никуда не уходила с кресла, мама и папа ее не будили. Уже не впервые они находили ее здесь после Накбы. Она принялась разглядывать каминные часы в стиле Директории¹⁶, стоявшие на камине из каррарского мрамора.

Был вторник, около одиннадцати утра. Она вспомнила, что вышла из своей спальни около четырех. Значит, в кресле она проспала семь часов подряд. Вылезла она оттуда с трудом. Колени кололо, как иголками, а бедра онемели, когда она разогнулась. Ариана прислушалась. Голоса доносились с первого этажа. Среди других она уловила голос отца, и его тембр ее успокоил: он звучал тепло и дружески, без угроз и оскорблений, хотя слов было не разобрать. Завернувшись в плед, она босиком вышла из спальни и подошла к лестнице

---

¹⁶ Директория – правительство Франции в 1795–1799 гг.; по его названию получил обозначение сдержанно-классицистский художественный и прикладной стиль конца XVIII – начала XIX в.

с позолоченными перилами. Теперь слова долетали до нее более ясно.

– Из этих варваров только один не ушел от приговора, – говорил ее отец.

– Муса Сарр, – сказал незнакомый мужской голос.

– Он самый. Но его освободил тот судья... из-за нарушения судебной процедуры. Вы себе отдаете отчет, что это означает? После того ада, через который из-за него прошла моя дочь!

– Муса Сарр умер, – сказал мужской голос.

– Что? – переспросил отец.

Лицо ее покрыл холодный пот. А сердце, подпрыгнув, забилось где-то в горле, и ей показалось, что она его вот-вот выплюнет. Она вбежала в свою спальню, захлопнула дверь, бросилась на кровать, закуталась в простыню, а потом в стеганое одеяло и обложилась всеми имеющимися подушками. Свернувшись, как собака, в этой пещерке, она почувствовала, что пульс понемногу успокаивается и страх медленно покидает ее.

* * *

– Прошлой ночью его гнали по лесу в Арьеже, и он, желая избавиться от погони, выскочил на шоссе и попал под машину.

– Гнали? – повторил Кловис Амбрелот, вытаращив гла-

за. – Кто гнал?

Сервас пристально посмотрел на отца Арианы.

– Вот это мы и пытаемся выяснить. Мы только начали расследование. А у вас, господин Амбрелот, есть какие-нибудь соображения, кто могли быть эти люди?

Кловис Амбрелот покосился на Самиру, стоявшую в углу, и прокашлялся.

– Нет. Но я уж точно не стану оплакивать этого парня...

– Вы за смертную казнь, месье Амбрелот?

– К чему этот вопрос?

– Ответьте.

– Нет. Я против. Единственное, чего я хочу, так это чтобы такая сволочь надолго оказалась в тюрьме. И он сам, и его сообщники. А вместо этого он свободен, как птица, а его адвокаты тратят время на то, чтобы замарать грязью репутацию моей дочери.

Кловис Юг Амбрелот был учредителем и генеральным директором «С2Н Авиасьон», предприятия-субподрядчика авиастроителя «Эйрбас».

Следовательно, пользуясь столь любимым экономистами эвфемизмом, находился в затруднительном положении. С тех пор как самолеты в большинстве своем стояли на приколе, а аэропорты обезлюдели, ведомости заказов «Эйрбас» напоминали пустыню Гоби. «С2Н Авиасьон» производила детали самолетов, и 80 % ее клиентов были авиастроители. На аллеях авиазавода в Бланьяке функционировали

только пять машин из тридцати, авиадетали пылились на полках, а три четверти рабочих временно потеряли работу. Как и у сотен предприятий-субподрядчиков «Эйрбас» в регионе, пандемия вызвала резкую остановку налаженного десятилетиями производства, которое еще шесть месяцев назад буквально трещало от заказов.

– Вы говорили с кем-нибудь о том, что случилось с вашей дочерью? – спросил Сервас.

Отец Арианы кивнул. В это утро на нем были пуловер и фирменные джинсы. Босыми ногами он стоял на иранском ковре ручной работы, который оправдывал свою цену. На вид Сервас дал бы ему лет сорок.

– Конечно, – сказал он.

– Кому конкретно?

– Моим адвокатам, полицейским, которые вели расследование, друзьям, журналистам...

Сервас вдруг вспомнил фразу Эстер Копельман: «Мусу Сарра видели с каким-то высоким человеком, на вид богатым. Белым...»

– А помимо заседания суда вы где-нибудь встречались с Мусой Сарром? – спросил он. – Вам приходилось бывать в том квартале, где он жил?

– Что? Нет!

– Вы охотник?

– Как вы сказали?

– Вы меня слышали.

– Нет...

– Могу ли я поговорить с вашей дочерью, господин Амбрелот?

– Она еще очень слаба, хотя прошло уже больше года. Она каждую неделю посещает психолога и психиатра. Она...

– Это очень важно.

Девушке было девятнадцать лет. Она отличалась скромной, неброской красотой: правильные, но не очень рельефные черты лица, нежная до прозрачности кожа, тяжелые каштановые волосы, собранные в мягкий узел, и огромные светлые глаза, прозрачные и испуганные...

Она была еще в пижаме, на плечи наброшен плед.

Самира побилась бы об заклад, что она была не из тех девушек, которых парни сразу выделяют из группы, скорее, из тех, на кого западет студент-филолог, математик или какой-нибудь одаренный и робкий мальчик. Он скажет себе, что, хотя она и очень красивая, у него, может быть, есть шанс.

Но Сервас очень быстро понял, что с Арианой Амбрелот шансов уже давно не было ни у кого. В ее глазах мир превратился во враждебное пространство, полное опасностей, ловушек и хищников, в пространство режущее и убивающее. Уже сам факт, что она вынуждена передвигаться в этом пространстве, был для нее мукой и источником постоянной тревоги.

У них с Самирой не было ни малейшего стремления за-

ставить девушку вспомнить весь этот ужас: вся информация, включая свидетельства, полученные в разговоре со специалистом-психологом, фигурировали в процессе.

Единственное, что они хотели выяснить, это пытался ли Муса как-нибудь контактировать с ней после того, как его выпустили.

Ариана сидела, забившись в угол на кровати, прижав к животу подушку, и выглядела очень бледной. На щеках еще не высохли слезы. На секунду Сервас испугался, что сейчас она снова расплачется. Она ответила на его вопрос, не глядя на него и уставившись на какую-то точку в углу спальни, но голос ее был тверд и спокоен.

– Нет, – сказала она. – Я закрыла все свои аккаунты в «Снэпчате», «Тик-Токе», «Инстаграме»...

– И он больше не звонил тебе? – тихо спросила Самира.

Она сидела на краю кровати, а Сервас стоял поодаль, возле двери.

– Нет. В последний раз я слышала его голос... в суде.

Это был не голос, а скорее шорох, тонкий, как шелковая нить, он с трудом выходил откуда-то из глубины горла вместе с дыханием.

– Спасибо, – сказала Самира, вставая с места.

Они не видели, как она смотрит им вслед, когда они шли к выходу. А потом, когда они вышли, дверь закрылась.

Тремя минутами позже они вышли из большого дома постройки конца прошлого века, с фасадом, увитым плющом.

Возле ступенек крыльца, на верхушке круглого фонтана на одной ноге стоял фавн. И Сервас подумал, что он очень некстати, учитывая обстоятельства, напоминает сатира. За фонтаном и окружавшей его аллеей, посыпанной гравием, раскинулся пруд, обсаженный тополями.

Их служебный автомобиль был припаркован за серым кабриолетом «Порше 78 Бокстер». Справа от них садовник подстригал газон, сидя верхом на маленьком красном тракторе. Пандемия, может, и поставила «С2Н Авиасьон» на колени, но средств на содержание дома вполне хватало.

– А тут довольно-таки шикарно, – заметила Самира.

Они шли по гравию, скрипевшему под ногами.

– На Мусу охотились хищники, – прибавила она. – Но и Ариана Амбрелот тоже стала жертвой диких зверей, и на нее охотились... Охота, травля здесь выступает как общий знаменатель.

* * *

Сервас покачал головой. На улице было так хорошо, светило солнце... Пейзаж вокруг них напоминал Ватто и Фрагонара¹⁷, вместе взятых. «Но бывает мрак, который неспособно

---

¹⁷ Жан Антуан Ватто (1684–1721) и Жан Оноре Фрагонар (1732–1806) – французские художники, представители раннего и позднего рококо соответственно, мастера т. н. галантных сцен, т. е. изображений развлекающихся групп людей в идиллических пейзажах.

рассеять никакое солнце», – подумал он. Его преследовали одни и те же образы: бегущий по лесу голый парень с оленьей головой вместо шапки; плачущая, кричащая и молящая о пощаде девушка, отданная диким зверям; люди, вооруженные арбалетами, возбужденные, как свора собак после сигнала «гончие, вперед!»; мрачные прародительские ритуалы, и в ожесточившихся сердцах жажда мести.

– Все еще только начинается, – сказал он.

10

Кабинет окружного комиссара, в тот же день, незадолго до полудня.

– Почему вы поехали туда одни? Почему не запросили подкрепление? Результат: еще одна машина в ремонте.

– Это был мой личный автомобиль, патрон, – заметила Самира.

– А почему вы взяли свою личную машину? – поинтересовался окружной комиссар, нахмутив густые черные брови.

– Потому что уже давным-давно никто не заботится сменивать защитные щитки на полицейских машинах, и стоит опустить щиток от солнца, на нем сразу видна надпись ПОЛИЦИЯ, – ответила Самира в тон начальнику. – Вы ведь знаете, как это бывает...

Сервас увидел, что Шабрийяк нахмурился. Он не любил, когда подчиненные ставили его на место.

– Как прошла встреча с семьей? – спросил он. – Они были не слишком на взводе?

– На взводе? – повторила Самира. – Да они нас обвинили в убийстве!

Шабрийяк побледнел. Должно быть, сказал себе, что если дело, где полицию делают обвиняемой, раздуют СМИ, то вряд ли у кого-нибудь, кроме обычных телекомментаторов, слишком ревностно относящихся к закону и порядку, хватит смелости встать на их защиту.

– А еще мы там обнаружили журналистку, – прибавил Сервас. – Эстер Копельман из «Ля Гаронн». Ушлая особа. Кто-то явно ее навел...

– Как это – навел?

– Она знала о слове на груди у парня, – сказала Самира. – Информация где-то просочилась. Либо здесь, либо в больнице.

По суровому лицу окружного комиссара пробежала тень несогласия.

– Ну все, теперь это будет в СМИ... Паскудство! Придется провести пресс-конференцию. Майор, я на вас рассчитываю. Нужно собрать конкретную и солидную информацию.

Сервас поморщился. Ну конечно, делать ему больше нечего. У него из головы все не шел тот высокий белый чужак, о котором говорила журналистка и с которым встречался Муса.

Время уже перевалило за полдень, когда они с Самирой и Рафаэлем Кацем явились в лицей Жан-Мермоз, в одно из учреждений среднего звена в Мирее. Мать Мусы объяснила, что после освобождения из тюрьмы ее сын, по приказу старшего брата Шарифа, вернулся в лицей на первый курс социально-экономического отделения.

Их принял директор лицея. Этого речистого маленького человечка с лысым черепом, похоже, очень расстроила гибель Мусы, хотя он и признал, что парень был далек от статуса примерного студента. Он провел всех троих через просторный двор. Студенты и преподаватели с 17-го числа были на каникулах. В кабинете директора Сервас повторил вопрос, который уже задавал по телефону: он хотел бы пообщаться с учителями Сарра.

– Трое преподавателей согласились прийти, думаю, явятся без опоздания. Остальные в отпуске по случаю Дня Всех Святых, кто-то вне зоны доступа...

Сервас удержался от замечания, что, вообще-то, погиб их студент, и просто покачал головой.

– У вас есть их телефоны?

– Конечно.

На столе у директора зазвонил телефон.

– Все пришли, – сказал он, отсоединившись. – Пойдемте.

Он встал и провел их в учительскую, где прием оказался еще «теплее». Первые несколько секунд преподаватели молча, с явной враждебностью их разглядывали. Так смотрят на отряд оккупантов.

Сервас попросил разрешения пообщаться со всеми по одному. Ответа не последовало, и он предпочел расценить это как согласие. Им предоставили маленький кабинет рядом с учительской.

Первый из преподавателей не вымолвил почти ни слова из-под маски. Сервас почувствовал, как в нем закипает гнев.

– Я не понимаю, – произнес преподаватель. – Я думал, что Муса – жертва, а вы о нем говорите, как о подозреваемом...

Его презрение ко всему, что относится к полиции, было очевидно.

– Вы когда-нибудь встречались с Мусой за пределами лицея, в городе? – поинтересовался Сервас.

После секундного замешательства тот взглянул на полицейского свысока:

– Нет. Никогда. А зачем?

– Благодарю, – просто сказал Сервас.

Преподаватель вздохнул:

– И это все?

– Все.

Тот пожал плечами и встал. Женщина, вошедшая за ним, была еще менее общительна: каждый из ее ответов отличался предельной лаконичностью и был произнесен тоном, гра-

ничащим с вульгарной грубостью. Сервас все никак не мог с этим свыкнуться. Почему его ремесло вызывает такую поверхностную реакцию у представителей определенных профессий? Он сам был сыном учителя и всегда смотрел на профессию отца как на самую благородную в мире.

Дама заявила, что Муса был средним учеником со средними оценками и что он «не отличался примерным поведением, но что в этом удивительного, когда он вырос в таком квартале: без горизонта, без надежды на перемены, да еще под ежедневным унижительным контролем полиции... Но ведь не это сделало из него преступника, верно?»

Эти слова, подкрепленные весьма выразительными взглядами, заставляли думать о том, что именно полицейские за все в ответе. И снова Серваса захлестнул гнев.

– Да что это с ними со всеми? – спросил Кац, когда дама вышла из кабинета.

Самира хихикнула:

– Добро пожаловать в полицию...

Следующую учительницу звали Мона Дьялло. Она преподавала историю и географию. Лет ей вряд ли было больше тридцати, и она имела прелестный овал лица, очень темную кожу, а живой и внимательный взгляд за стеклами очков без оправы был начисто лишен враждебности. Она выглядела очень взволнованной.

– Расскажите нам о Мусе, – сказал Сервас, наклонившись над рабочим столиком.

– В последнее время Муса чего-то боялся, – сразу ответила она.

Сервас выпрямился:

– Боялся? В каком смысле? Чего боялся?

– Не знаю...

– А что вас заставило так подумать?

– Я не знаю, – повторила она, и глаза ее потемнели. – Язык тела, его манера себя держать... Это читалось в его глазах в классе: у него был затравленный вид. Он вообще стал какой-то не такой, как всегда. Я знала Мусу с детства, мы из одного квартала. Какая трагедия...

– М-м-м... Поскольку вы его хорошо знали, вас не затруднит рассказать еще что-нибудь?

Она по очереди оглядела Серваса и Самиру, сидевшую напротив, в то время как Рафаэль стоял чуть поодаль у окна.

– Муса был из тех мальчишек, кто обладал множеством качеств, но воспринимал все в каком-то извращенном виде, как и многие здесь...

– То есть?

Мона Дьялло пожала плечами:

– Я уверена, что для вас это не новость: вы уже изучили его документы...

– Это так... Однако все учителя, которых мы опросили перед вами, утверждают, что он был «нормальным» мальчиком, без всяких историй...

Мона Дьялло вздохнула и запнулась в нерешительности:

– Все, что я сейчас вам скажу, не должно выйти за пределы этих стен, договорились? Если меня будут потом спрашивать, я от всего откажусь...

Сервас кивнул и вдруг насторожился.

– В этом лицее, как и во многих других, существуют учителя, которые защищают свободу самовыражения и, невзирая ни на что, борются против обскурантизма. Однако многие из моих «белых» коллег боятся, что их заподозрят в расизме, и по отношению к этим мальчикам проявляют особого рода «толерантность». И это ни в коем случае не их вина, что бы они ни делали. Это вина общества, либерализма, расизма, полиции, наконец...

– И вы не считаете, что они правы? – подала голос Самира, удивленная таким поворотом разговора. – Думаете, что если бы эти мальчишки выросли в других местах, вдали от гетто, от наркотрафика, от легких денег, в условиях такого же воспитания и с теми же шансами, что и другие дети, то тех, кто выбрал прямую дорогу, среди них было бы больше?

Мона Дьялло, не смущаясь, прямо взглянула на Самиру.

– Я в этом уверена, – твердо сказала она. – Но некоторые из моих коллег реагируют таким образом не из соображений самой жизни, а из соображений идеологии. Во имя идеологии, которую они в больших дозах впитали еще в университете, они готовы извинить тяжкие преступления, оправдать насилие изначальной несправедливостью к этим парням, выросшим в таких районах и не являющимся белыми.

– Наследие Франца Фанона¹⁸, – сказал Рафаэль Кац.

Мона Дьялло, казалось, только что обнаружила его присутствие и согласилась:

– Для многих моих коллег то, что Франция по своей структуре расистская страна – непреложный факт. И поэтому она в неоплатном долгу по отношению к потомкам рабов или колонизированных народов, то есть к таким, как я. Они не понимают или не хотят понимать, что первыми жертвами теперешней ситуации станут не белые буржуа из благополучных кварталов, а те, кто обитает здесь: здешние девочки и мальчики. Чтобы их не заподозрили в экстремизме, они постоянно выхолащивают свою речь и манеру мыслить... Знаете фразу Камю: «Называть вещи не своими именами...»

– ...означает увеличивать несчастья мира, – закончил Кац.

Она пристально посмотрела в глаза белокожему полицейскому:

– В этом лице есть юноши, утверждающие, что надо сжигать гомосексуалистов... А девочки рассуждают о превосходстве черной расы... И буквально в сотне метров отсюда есть спортзал, куда не пускают евреев и женщин. Мой брат туда был записан. Он рассказывал, что, когда туда пришла

---

¹⁸ Франц Омар Фанон (1925–1961) – франко-алжирский социальный философ карибского происхождения, критик колониализма и расизма, которые, с его точки зрения, являются неотъемлемыми элементами современного общества и поэтому могут быть преодолены только коренным социальным переустройством через неизбежные насильственные действия со стороны угнетенных.

женщина, ей ответили, что не выдают абонементов. Ему пришлось уйти из этого спортзала из-за того, что в раздевалках говорили про евреев всякие гадости. Во многих учебных заведениях есть список предметов, которые запрещено преподавать, без того чтобы не подвергнуться угрозам со стороны учеников и их родителей: это, конечно, Холокост, но в тот же список попали эволюция денежных средств, возникновение Вселенной, половое воспитание, происхождение видов...

Сервас кивнул. Как и весь мир, он испытал шок, узнав о том, что случилось с преподавателем Самюэлем Пати десять дней назад, а еще больше был потрясен реакцией тысяч подонков, устроивших овацию в соцсетях, и некоторых политиков. Труп учителя еще не остыл, а они, позабыв об элементарных приличиях, погрязнув в трусости и приспособленчестве, принялись напоминать о том, что он, возможно, больно задел некоторые категории населения.

– Я каждый день сталкиваюсь с родителями, отказывающимися от своих обязанностей. Когда их чадо плохо себя ведет, они говорят: «Наказывайте его, это ваша работа». Если учитель белый, они обвиняют его в расизме. Если же я оказываюсь перед отцом, перед мужчиной, бывает, что он делает мне замечание: мол, не мое это дело указывать ему, как воспитывать сына. А бывают и такие, кто отказывается пожать мне руку. Муса мог бы стать хорошим учеником, когда вернулся в лицей. Он был умный мальчик, – прибавила она.

– Его обвинили в изнасиловании...

– Да я слышала эти разговоры... Не знаю... Но знаю точно, что он был замешан в сбыте наркотиков, а спустя некоторое время, с подачи брата, вступил в контакт с салафитами¹⁹.

– Шариф салафит?

Она кивнула:

– Да. Я состою в организации «Молодость и будущее». Мы пытаемся отвлечь таких ребят и вырвать их из когтей наркодельцов и фундаменталистов с помощью музыки, искусства, дружеских встреч. Мы учим их воспринимать и расшифровывать современность по-другому, а не только сквозь фильтр религиозной, расистской или общинной литературы. Мы объясняем им, почему видео, ходящие по интернету, совсем необязательно отражают действительность. Я пригласила Мусу к нам заходить. Но в последнее время он не появлялся. И все чаще вел женоненавистнические разговоры и рассуждал о расовой принадлежности... Если мы не будем способны предложить этим ребятам что-то другое, кроме существования на свалке, без настоящего будущего, они так и будут уходить к экстремистам...

Она вдруг как-то вся сникла.

– Многие мои ученики хвастаются, что они не французы. Однажды я имела несчастье на педсовете сказать, что горжусь тем, что я француженка. Некоторые из коллег так на

---

¹⁹ Салафиты – ультраконсервативное течение в исламе, исповедующее наиболее ранние формы мусульманского вероисповедания и нетерпимо относящееся ко всем новшествам в нем.

меня напали, словно я сказала что-то ужасное. Словно я неоколониалист какой-нибудь, да еще и деспотический. А тип, что преподает философию в университете Тулуза-II, заявил при полной аудитории, что – я цитирую – «важно испытывать враждебность и вообще в жизни, и в существовании рядом с наследниками тех, кто истреблял наших предков». А потом еще прибавил: “Калашников” вернее лука». И этому типу поручили руководить факультетским курсом!

– Мусу несколько раз видели в компании какого-то взрослого человека, явно нездешнего. Вы не знаете, кто это мог быть?

– Нет, не имею ни малейшего представления.

– И вы ведь не поверили в эту историю с изнасилованием? – настаивала Самира.

Мона Дьялло внимательно на нее посмотрела и помотала головой:

– Муса, конечно, святым не был. Он попадал в разные переделки. Но это изнасилование... нет, на него не похоже. Разве что кто-то его на это толкал.

Она взглянула на них поверх очков:

– Но одно я знаю совершенно точно: в последнее время Муса чего-то боялся.

11

Было пять часов пополудни, когда Сервас вошел в кон-

ференц-зал, предварительно умывшись холодной водой. Сколько же часов он не спал? Они все сейчас были измотаны, но на лицах не читалось ни малейших признаков усталости: атмосфера в зале была наэлектризована до предела. Расследовать такое дело – все равно что разыгрывать Кубок мира по футболу в национальной сборной. Никто не желал сидеть на скамье запасных.

– Вам всем предстоит много работы, – сразу заявил Сервас, – и придется поторапливаться.

Группу еще усилили. К ней присоединились ребята из отдела по борьбе с наркотиками, из отдела финансовых преступлений и из комиссариата Мирея. Объявили, что республиканский прокурор назначил предварительное судебное расследование. Следствие будет вести судья Ногаре, он сегодня дежурит. Услышав это, Сервас поморщился. Ногаре был известный карьерист, член синдиката весьма политизированных магистратов, и в довершение всего он ненавидел сыщиков.

– Прежде всего вот что: с завтрашнего дня эта история появится на страницах региональных и даже национальных газет. В ней содержится все, чем так любят полакомиться пресса и телеканалы. Во дворце правосудия состоится пресс-конференция прокурора. Необходимо любой ценой контролировать информацию. Это означает, что каждый из тех, кто сидит за этим столом, должен внимательно следить за тем, что он говорит и кому говорит.

Он обвел взглядом обращенные к нему лица. Сколько таких совещаний он провел? Сколько расследований завершил, сколько тайн разгадал?

Ему удалось поймать самого опасного серийного убийцу из всех, кого знала эта страна, студентов и детей-убийц, чудовищную супружескую пару, любителя змей, астронавта-убийцу... Иногда ему хотелось все бросить, и пусть кто-нибудь придет на смену. Но что еще он умел делать?

– Я не сказал вам ничего нового: на этой стадии наше дело – выявить и изучить как можно больше следов, и ни один из них мы не должны пока рассматривать как главный. Никто не знает, где, когда и каким образом был похищен Муса. Все, что нам известно, – это что семья его видела в последний раз в четверг. И что никто из опрошенных нами с тех пор его не видел. Нам необходимо реконструировать все его действия с четверга до ночи с воскресенья на понедельник, когда за ним гнались на автомобиле...

Парень из Управления судебной полиции что-то быстро набирал на клавиатуре ноутбука, и на стене за его спиной появилась карта департаментов Верхняя Гаронна и Арьеж. На ней были обведены округ Мирей, расположенный к западу от Тулузы, и тот небольшой участок департамента Арьеж, где нашли тело Мусы Сарра.

– Несомненно, здесь встает вопрос мотива, – продолжал Сервас. – И слово ПРАВОСУДИЕ на груди Сарра, возможно, может навести на след... Как вам известно, на счету у Му-

сы Сарра сорок грабежей, обвинения в изнасиловании и причастности к наркотрафику. Поэтому я сначала предоставлю слово отделу по борьбе с наркотиками.

Представитель отдела встал. Это был маленький, коренастый, ясноглазый парень в кожаной куртке, с наголо бритой головой. Он чем-то напоминал копа из американского сериала «Щит».

– На самом деле, – начал он, – случай Мусы Сарра далек от того, чтобы считаться исключительным. Юнцов его возраста, живущих вдали от городов, с десятками преступлений в активе, семнадцатилетних мальчишек, садящихся за руль без прав, зато с судимостями за неповиновение и даже за ношение оружия, – таких на улицах пруд пруди...

Сотрудник снова забарабанил по клавиатуре, и на стене появился светящийся план Тулузы. Два округа были обведены: Изард и снова Гран Мирей.

– Наркотики вертят городами. Мальчишки с двенадцати лет стоят на стреме за сто пятьдесят евро в день. Легкие денежки... В восемнадцать они охраняют ящики с выручкой и имеют при себе оружие. А в двадцать уже зарабатывают по двадцать тысяч евро в месяц. Тюремь они не боятся и часто рискуют жизнями в драках за контроль над территорией.

У сыщика из отдела по борьбе с наркотиками был бычий затылок, а кожаная куртка топорщилась из-за накачанных трапециевидных мышц. Наверное, целые часы проводил в спортзале. Сервас вспомнил, как он однажды поймал нарко-

торговца в туалете при дискотеке, когда тот пытался «нюхнуть дорожку» у всех на виду. Пришлось его треснуть физиономией о раковину, да так, что раковина стала алой.

– Наркотики – причина всех разборок, но здесь мы теряем позиции: бо́льшая часть городских насилий связана с нарко-трафиком, отмывание денег подрывает реальную экономику, и большинство местных депутатов отказываются тревожить эту подпольную экономику и стараются не привлекать внимания СМИ, потому что больше всего хотят, чтобы в их городе было спокойно.

Он пожал плечами:

– Похищения – привычное дело для городов, кайды²⁰, мелкие местные князьки, не колеблясь, похищают детей у своих врагов. Однако в случае Мусы я не думаю, что речь здесь идет о сведении счетов. Эта... погоня в лесу – явно что-то новое и необычное. Я никогда не видел ничего подобного, – добавил он и нахмурился. – Местные заправилы не станут мараться и устраивать такие спектакли: очередь из «калашникова» на парковке – и прости-прощай. Время от времени они кого-нибудь мучают, но я никогда не видел, чтобы они занимались такими вещами. Кроме того, Муса «соскочил», ему удалось от них удрать.

Техник склонился над ноутбуком, и на стене появилось лицо. Жесткий взгляд, остриженная прямоугольником борода, плотно сжатые губы. Шариф Сарр.

---

²⁰ Каид – «вождь», «глава» (араб.).

– Но у него есть брат, который якшается с салафитами, Шариф. Тоже опытный правонарушитель. Еще Мохаммед Мера²¹ говорил, что проповедь и сбыт товара тесно связаны между собой.

Следующей поднялась с места женщина лет тридцати. массивные очки, впалые щеки, сухие, тусклые волосы. Она была доцентом университета Тулуза I Капитоль, написала много работ по социологии наркотрафиков во Франции и по идентифицирующим группам, и ее уже не в первый раз приглашали в качестве консультанта.

– В городах, – начала она, – каиды, которые держат в своих руках наркотрафик, финансируют фундаментализм. Продажа транквилизаторов безбожникам считается законной, ибо она дает финансовую поддержку и ослабляет врага. Главной мишенью фундаменталистов обычно становятся подростки. Их стараются объединять в группы, насаждая в городских кварталах шариат и выстраивая культурно-социологическую границу, отделяющую их от остального населения Тулузы. Салафизмом пропитана половина тулузцев. Шариф Сартт занесен в FSPRT²². Она насчитывает двадцать две тысячи человек, принадлежащих к разным разрядам по степени радикализации. Если разряд высок, то надзор осуществляет Ге-

---

²¹ Мохаммед Мера (1988–2012) – исламский террорист по прозвищу «Тулузский стрелок».

²² Система данных для предупреждения радикальных действий террористического характера (*прим. пер.*).

неральная дирекция службы информации. Но Шариф к разряду особо опасных не принадлежит. Скорее, к разряду умеренных. Однако если Шариф Сарр посещает мечеть, известную своими радикальными прихожанами, то это не означает, что ее посещает и Муса. Насколько мы знаем, Муса там не бывает.

Сервас вспомнил Коран, найденный в комнате Шарифа. Женщина-доцент сделала знак технику, и на стене появилась оленья голова, а потом арбалетная стрела, торчащая из плеча Мусы.

– Кроме того, я не вижу никакой религиозной символики в этом преступлении. Конечно, его можно расценить как ритуальное, как, впрочем, и любую охоту. Но если бы я должна была с чем-то связать эту ритуализацию и слово ПРАВОСУДИЕ, то связала бы их с некой группой людей, увлекающихся французскими правилами и традициями. Охотой на оленя занимаются по большей части те, кого мучает ностальгия по эпохе, где главенствовали старинный уклад и старинные традиции. В то же время в данном случае они не случайно выбрали себе цель. У них должны быть какие-то сведения о Мусе.

– Информация о его освобождении появилась в газетах, – раздался чей-то голос.

– Несомненно. Но почему именно он, а не кто-нибудь другой?

– Прекрасный вопрос, – сказал Сервас. – Что касается ри-

туала... – Тут он повернулся к директору научного подразделения. – Оленью маску подвергли анализу?

– Да. Я показал ее специалисту по оленям из Национальной ассоциации охотников на крупную дичь. Нет никаких сомнений, что это голова благородного оленя, *Servus elaphus*. Маска сделана из шкуры и части рогов, укреплена кожаными вставками, снабжена молнией на затылке и ремешком под подбородком. Вещь уникальная, стопроцентно ручной работы.

Глава технической и научной полиции оглядел присутствующих.

– Шестьдесят тысяч, – сказал он. – Это количество благородных оленей, ежегодно истребляемых во Франции. Шестьдесят тысяч... Но не думайте, что популяция на столько же сокращается. По мнению специалистов, олень сейчас обитает более чем в половине французских лесов, а тридцать лет назад обитал менее чем в двадцати процентах. Вопреки мнению некоторых специалистов, охота на крупную дичь быстро распространяется. Такого давно не наблюдалось. Другое дело, что очень сложно, почти невозможно выяснить, где прошел олень, и найти место, где он был убит и когда именно.

«Скверная новость», – подумал Сервас. Он надеялся, что оленьи следы куда-нибудь их приведут. Зато с облегчением констатировал, что группа работает быстро. Значит, у них была мотивация.

– Но кое-что у нас есть, – прибавил шеф научного отдела,

и звук его голоса просто не мог не привлечь внимания. Все взгляды обратились на него.

– Выкладывай, – сказал Сервас.

– У нас есть еще один возможный источник ДНК: волос, застрявший сзади в застёжке молнии на маске. Жертве он не принадлежит. Но не хочу тешить вас напрасными надеждами: ДНК волоса, как вы знаете, может обмануть, волос – это не то что кровь, сперма, слюна или даже зубы и кости. У волоса ДНК содержится в луковице, а сам стержень мертв. Так что вероятность удачного результата не более десяти процентов.

– А откуда ты знаешь, что волос не принадлежит жертве? Шеф научного отдела улыбнулся под маской:

– Ожидая, пока появится более точная информация, мы называли его обладателя Рыжим.

12

В этот вечер Сервас вернулся домой совершенно измученный. Пресс-конференция полностью соответствовала законам жанра: предоставила минимум информации о расследовании, зато создала впечатление, что дело движется. Эстер Копельман, попавшая в зал по случайной выборке журналистов (никого из-за пандемии не пропустили), подняла руку:

– Каково ваше мнение: идет ли речь о преступлении расистского толка?

Ну вот. Жребий брошен. В памяти сразу возник брошенный металлический шар.

Мартен обнял Леа, которая сидела в гостиной с книгой.

– «Нетерпеливые», Джаили Амаду Амаль, – сказал он, бросив взгляд на обложку книги. – Это о чем?

– Об ужасающих условиях, в которых живут женщины в Сахеле²³: о полигамии, о насильственных браках, побоях и изнасилованиях, о домашнем насилии и патриархате...

– Опять Африка: на прошлой неделе ты читала «Ребенок фульбе»²⁴.

Она улыбнулась. Мартен прошел по коридору до двери в комнату Гюстава и тихонько ее приоткрыл. Его сын спал на боку, засунув большой палец в рот, скрестив ноги и отпихнув от себя теплое одеяло.

«Как мы все-таки хрупки, – подумал он. – Миллион всяких событий может произойти миллионом способов. Здоровье, мир и согласие труднодостижимы, и зарабатывать их надо каждый день. Насилие, ненависть и война, в сущности, состояния пораженческие».

На стене возле кровати висел детский рисунок: женщина в белом халате, с длинными рыжими волосами, и внизу подпись: *Мама*. Сервас почувствовал, как глаза заволокло вла-

---

²³ Сахель – пояс тропических степей от западного берега Африки до восточного, ниже региона Сахары и выше плодородных саванн Центральной Африки.

²⁴ Фульбе – одна из народностей Сахеля, к которой принадлежит Джаили Амаду Амаль.

гой. На самом деле все не так: Леа не была настоящей мамой Гюстава, и он начал ее так называть только через несколько месяцев. Ничего удивительного. Леа Делаамбр умела находить общий язык с детьми: она работала в детском центре при больнице Пюрпан в Тулузе, в отделении гастроэнтерологии, гепатологии и питания. Она вошла в жизнь Мартена два года назад, а Гюстав – за год до нее²⁵.

После развода он так долго жил один, что к пятидесяти двум годам ему и в голову не приходило второй раз в жизни обзавестись семьей.

Он прикрыл дверь и постоял в нерешительности. Надо было принять душ. Но его мучил один вопрос.

Вернувшись в гостиную, он обнаружил, что Анастасия, их няня, опять забыла на столике свои наушники. Позавчера, еще до того как его разбудили среди ночи телефонным звонком, они с Леа пошли на концерт Национального оркестра Капитолия, который начался в шесть вечера из-за комендантского часа. Концертмейстер оркестра был их соседом по лестничной площадке и по совместительству отцом Анастасии.

Поджав под себя ноги и повернувшись спиной к книжному шкафу, Леа сидела на диване, углубившись в чтение. На ней был просторный и мягкий белый пеньюар. Рыжие волосы рассыпались по белой ткани. Пеньюар был распахнут ровно настолько, чтобы заметить, что под ним ничего нет, кро-

---

²⁵ См. романы «Гребаная ночь» и «Долина».

ме черных трусиков «Кэлвин Кляйн». Обычно одной только мысли об ее стройном горячем теле хватало, чтобы он пришел в возбуждение, но не сегодня.

На ходу он заметил, что телевизор включен без звука на информационном канале и Леа краем глаза следит за экраном. Лицо на экране ему было знакомо. Искусственный загар, потешная шапка желтых, покрытых лаком волос, похожая на шлем с забралом, акулья улыбка и холодный взгляд. Было 27 октября. Приближались выборы в Америке. По предварительным подсчетам аналитиков, Трамп проигрывал. Но разве все аналитики не промахнулись в прошлый раз? Еще как промахнулись. Потому что эпоха стала непредсказуемой. «А какой она стала?» – не раз спрашивал он себя. Эпохой истерии и шутов. Эпохой манихейства. Эпохой соцсетей и творящегося в них безумия. Но уж точно не эпохой разума.

Потом появился диктор, и бегущая строка внизу экрана сообщила Сервасу, что он говорит о заявлениях, которые должен завтра сделать французский президент. Они коснутся новых санитарных ограничений.

– И что же это за важная вещь, которую ты собиралась мне сказать? – спросил он, усаживаясь в кресло.

Леа подняла на него свои прекрасные зеленые глаза и отложила книгу на столик нарочито небрежным жестом, в котором угадывалась нервозность. Свет лампы возле дивана резко очерчивал ее высокие скулы и чуть курносый нос.

– Это может подождать до завтра, – нерешительно произнесла она. У тебя очень... измученный вид.

В ее голосе вновь чувствовалось напряжение, и это напряжение передалась ему.

– Нет, на самом деле это важно. И это касается нас троих...

– Значит, это ты будешь вести расследование о том юноше? Об этом сообщили на канале «Франция 3».

– Не я, моя группа. И есть риск, что я буду мало появляться дома.

Сидя в кресле, он вдруг почувствовал, что усталость накрывает его с головой. И то, что хочет сказать ему Леа, ему явно не понравится, потому что она подозрительно легко пытается отступить.

– Вот как... Ты снова позволил расследованию захватить тебя целиком, как в прошлый раз... Но я вовсе не собираюсь тебя упрекать, – прибавила она в сильном смущении.

Сервас насторожился:

– Ну, хорошо, так о чем все-таки ты хотела со мной поговорить?

Она выпрямилась, плотно сжав колени и скрестив лодыжки. Сервас вздрогнул. Он привык наблюдать за коленями и ступнями собеседников. Ступни почти никогда не лгут. Леа испытывала сильный стресс.

– Прежде всего, я хочу, чтобы ты знал: я счастлива рядом с тобой... И я люблю тебя... и Гюстава... очень... Вы оба

мне очень дороги...

Дело приняло плохой оборот. У него возникло ощущение, что ему в желудок закачали ледяную воду.

– И для чего такая преамбула? – спросил он, прищурившись.

– Со мной связался один друг, который работает в организации «Врачи без границ».

Она бросила на него неуверенный взгляд.

– Он предложил мне командировку в Африку, в Буркина-Фасо. Там сейчас тяжелая обстановка. Насилие захватило весь север страны, джихадисты устраивают резню, процветают межобщинная месть и разборки с убийствами. В конце девятнадцатого года больше пятисот тысяч человек потеряли жилье, в этом году – уже больше восьмисот тысяч. Им необходимы медики для работы на месте. Речь идет о помощи людям, которые живут в крайней нужде. У них огромная потребность и в базовой, и во вторичной медицинской помощи. Среди сотен тысяч беженцев очень много детей...

Сервас не сводил с нее пристального взгляда.

– Я надеюсь, ты ответила своему другу «нет», – выдохнул он. – Ты объяснила ему, что в данный момент это невозможно?

Она опустила глаза и чуть плотнее скрестила лодыжки.

– Я... я сказала, что должна подумать... И что сначала должна поговорить с тобой и в больнице...

– И с Гюставом, – быстро подхватил он с язвительностью,

о которой так же быстро пожалел.

– Пожалуйста, дай мне закончить. Речь идет всего о нескольких месяцах, ну максимум о годе.

– О годе?..

Он ушам своим не поверил.

– Ты серьезно собираешься туда ехать?

Взгляд ее стал непроницаемым. Она ничего не ответила, только, не отрываясь, смотрела на него. И в ее глазах читался ответ: «да».

– Поверить не могу... – сказал он, помотав головой.

– Мартен, эти дети...

– Не надо мне говорить об этих детях. Должен тебе напомнить, что здесь тоже есть ребенок, которому ты нужна... Который называет тебя «мама»...

– Не делай этого...

– Чего не делать? Я эгоист, ты это хочешь сказать? Ты несчастлива с нами? Неужели нет никого, кто может поехать вместо тебя? Это же опасно, как ты не понимаешь?

– Никто не сможет работать с этими детьми лучше, чем я, – принялась оправдываться она.

Ему вдруг захотелось прикрикнуть на нее, но он сдержался. «Интересно, кто из нас больший эгоист? – подумал он. – Она, со своим крестовым походом, или я, не желающий принять риск расставания?» Ему вдруг явилась Африка, словно видеоклип, отснятый в стиле «Вон из Африки». Дикие звери в буше. Величественные закаты в саванне. И Леа, в окру-

жении молодых холостых врачей под импровизированными тентами. Она будет делить с ними пищу, разочарования и радости. И в единении с ними будет горда, что выполняет благородную, необходимую миссию. Месяцами жить с ними бок о бок, больше их узнавать, сближаться... Вдали от Франции, на магическом континенте.

Ох эта магия Африки...

Он вдруг понял, что ревнует. Ревнует к будущему, которое еще не наступило.

Он знал, что все в этой Африке будет совсем не так. Скорее всего, это будет лагерь на грани полной антисанитарии, в грязи, среди множества мух. Множество больных, нехватка продуктов, крики, плач, понос и лихорадка. Умершие дети. Драмы на каждом шагу. Это все равно что заглянуть в бездонный колодец. И этого не избежать. Его охватила тревога.

– Ты вернешься оттуда сильно изменившейся, – сказал он. – Не такой, как прежде.

Они помолчали.

– Но я еще не приняла решения, Мартен...

– Ты в этом уверена?

* * *

Он поднялся. Побрел на кухню. Открыл окно и закурил сигарету. Вот всегда так. Все, что жизнь дает вам, она рано или поздно забирает. Все, чего ему больше всего хотелось, у

него всегда отнимали. По какой-то непонятной причине все, к кому он привязывался, его бросали. Он не верил в судьбу. Наверное, дело было в его собственной натуре.

Он затаился сигаретой, вслушиваясь в тулузскую ночь. Она была полна звуков, не похожих на звуки саванны, но хищных зверей и здесь хватало: и леопардов, и гепардов, и гиен, и львов... Что же за хищники гнались за Мусой Сарром? Какую цель они преследовали? И кто был сам Муса? Такой же хищник, только послабее, или беззащитный травоядный?

Этот вопрос неотступно преследовал Серваса. А что, если эти хищники были выходцами из полицейских? Из близкой ему среды? Что, если враги притаились внутри? Как они отреагируют, если он к ним подберется?

* * *

Самира Чэн выключила «Slayer»²⁶, вылезла из «Клио», которую только что забрала из ремонта, и ступила на грязное поле в двадцати километрах от Тулузы, заменявшее сад. Большой старый дом был погружен во мрак. Самира купила это странное, полное закоулков, кособокое строение десять лет назад. С тех пор она постоянно его подправляла и доделывала. Она не торопилась: работала понемногу, в за-

---

²⁶ «Slayer» (англ.) – американская метал-группа (прим. пер.).

висимости от своих скромных ресурсов и возможностей любовников, которых она отыскивала среди каменщиков, кровельщиков или сантехников. Холостякам, качавшим мускулы в спортзалах, и бородачам, которые нагуливали хорошее настроение, поедая биодобавки, Самира предпочитала тех, кто работал руками и умерщвлял свою плоть этой изнурительной работой.

Короче говоря, они не пытались руководить, зато в постели часто были на высоте.

Самира сознавала, что такое суждение высокомерно и даже унизительно, но в ее глазах это был комплимент. Она ценила такие достоинства, как простота, грубоватая откровенность и полное отсутствие лицемерия – иными словами, право говорить без обиняков. Ей нравились мясная пища и секс без всяких сантиментов и трепотни. Она очень любила Мартена, но ни за что не стала бы жить с таким любителем все усложнять... Не говоря уже о том, что он был не в ее вкусе, а музыку слушал так и просто стариковскую.

Возле входа она увидела мотоцикл, стоящий на упоре, и повернула ключ в замке. Потом попыталась включить рубильник. Ничего. Полная темнота. Сердце билось все быстрее и быстрее. Самира осторожно двинулась по полутемному коридору. В доме царила абсолютная тишина.

– Есть здесь кто-нибудь? – крикнула она.

Никакого ответа. Ночь была очень ясная, и волна размытого сероватого света струилась по застекленной части две-

ри. Внутри та же светотень, точнее, больше тень, чем свет, переливалась по коридору. Она шла медленно, вся напрягшись, готовая в любой момент отпрыгнуть. Вдоль стен все еще стояли банки с краской и пластиковые баки, за которыми можно было легко спрятаться.

– Есть здесь кто-нибудь? – повторила она.

Вдруг у нее за спиной возникла тень, и ее плотно прижали к стене. Чья-то рука зажала ей рот, а горячее тело прижалось к ней, обдав запахом мыла и туалетной воды.

– Не шевелись, – прошептал над самым ухом хриплый голос. – Даже не пытайся.

Она кивнула. Сердце билось так сильно, что даже слегка закружилась голова.

– Ты знаешь, что никто так и не догадался, кто такой был Джек-потрошитель? – продолжал голос. – А в «Ста двадцати днях Содома»²⁷ четверо аристократов заперлись в замке с сорока двумя юношами и девушками, с которыми могли проделывать все, что хотели?

В это время рука скользнула под пуловер и принялась гладить ее грудь, потом спустилась, расстегнула пряжку ремня и молнию на брюках и забралась в трусики. У Самир задрожали ноги, и она ощутила между ними эрегированный член. Просунула руку ухватила за него.

– Нет, паршивка, так нечестно! – взревел он, отстраняясь. – Самира, это уже не смешно!

---

²⁷ Произведение маркиза де Сада.

В том, что касается фантазий и извращений, везде царил унылое однообразие. Он был ничуть не лучше других... Ему бы не помешало хоть раз позаниматься с учителем словесности.

13

Полночь. Бледная луна освещала долины, черные леса и луга на склонах, а легкий туман заползал в расщелины в сотне километров к югу от Тулузы. На вершине холма, на месте деревни, за высокими заржавевшими воротами и окружной стеной, вдоль которой шла дорога департаментского значения, высился замок, освещенный луной.

В холодной ночи он казался огромным и имел угрожающий вид из-за ошестинившейся каминными трубами крыши на фоне ночного неба. Замок отбрасывал мрачную тень на парк с двухсотлетними деревьями и разбросанными по территории служебными помещениями: хлевом со стойлами, конюшнями и домиком садовника возле ворот. Большинство окон были темны. Однако, обогнув здание справа, можно было увидеть над подстриженным самшитом окна с решетчатыми свинцовыми переплетами, где горел яркий свет.

За окнами была просторная гостиная с монументальным камином, и на стенах плясали отблески огня. То была библиотека. На стенах висели гобелены и картины мастеров, а рядом с ними охотничьи трофеи, крупная дичь французских

лесов: кабаны, лани, олени, и здесь же гвоздь коллекции – огромная голова льва.

Хищник, казалось, наблюдал за маленькой аудиторией суровым взглядом, который мерцал в слабом свете, словно он только притворялся, что дремлет, а сам готовился к прыжку. Снаружи завывал ветер. А внутри было тихо и мрачно, только потрескивал огонь в камине, так что, когда зазвучал голос, то показалось, что он исходит откуда-то из самого сердца замка.

– Как случилось, что никто не подумал о контроле над дорогой? – спросил единственный из присутствующих, кто сидел перед камином на стуле с высокой спинкой.

И голос, и силуэт, изрезанный по краям вспышками света, излучали ауру авторитарности и негибкости. Слабые лучи света, идущие от камина, освещали длинные руки с набухшими венами, лежащие на дубовых подлокотниках. Лица видно не было.

– По этой дороге никто никогда не ездит ночью, – попытался оправдаться один из тех, что стояли. – И в это время вообще комендантский час... Машина никак не могла там оказаться.

Еще несколько секунд в комнате не наблюдалось никакого движения, а тишину нарушало только потрескивание огня, пожиравшего дрова. Потом высокий силуэт медленно выпрямился.

– Мезлиф, вы идиот, – отчеканил он. – Я же велел вам

обеспечить безопасность в окрестностях.

Тот, кого называли Мезлифом, маленький, коренастый, черноволосый, с густыми бровями и суровым лицом, стоял, опустив голову.

– Надо было задействовать больше людей, – робко оправдывался он, что никак не соответствовало человеку, привыкшему, чтобы его уважали. – Чем больше народу, тем больше возможности уследить за побегами...

Снова наступила тишина.

Высокий человек отошел от кресла. Выйдя из мрака, чтобы подойти к камину, он протянул длинные руки к огню. В остальной части гостиной было очень холодно.

Камин посвистывал и шипел. Пламя то взвивалось вверх, то опускалось, колеблемое ветром, проникавшим в дымоход. Оно снизу осветило морщинистое высоколобое лицо, бритый череп и настолько впалые щеки, что казалось, будто их хозяин что-то втягивает в себя. Глубокие морщины избороздили это лицо, как трещины на жесткой коре ясеня. На нем был шелковый домашний халат, надетый поверх пуловера, и велюровые брюки, а на ногах туфли без задников.

– Такого не должно было случиться, – повторил он. – Этого парня надо было отправить домой *живым*, со словом, выжженным на груди. Чтобы он рассказал другим, как за ним гнались. Чтобы вся эта мразь поняла, что в игре появился новый игрок и теперь правосудие свершится по-настоящему.

– Они уже задают вопросы, – сказал человек, почти такой

же высокий, с длинным, похожим на собачью морду лицом и маленькими, близко посаженными глазками. Короткая борода была неровно острижена и топорщилась. – Увидев слово, выжженное на груди, они наверняка поймут, *что правила игры изменились*.

Высокий человек обернулся:

– Но теперь в это дело сунет свой нос пресса. Подобные истории заставляют журналистов истекать слюной. Кто ведет расследование, уже известно?

– Да. Группа майора Серваса, – сказал третий, широкозатый и пузатый, гораздо старше первых двух и единственный в компании в костюме и при галстуке. – Судебная полиция Тулузы. Отменный сыщик. Это он распутал дело об убийствах в Эгвиве два года назад... И в Сен-Мартен-де-Коменж десять лет назад: помните историю с конем, висевшим на канатной дороге, и с целой серией последовавших убийств? Эта новость не особенно хороша.

– Надо, чтобы кто-нибудь нашел способ проследить, как будет продвигаться расследование, – сказал высокий.

Было 28 октября, сразу после полуночи. Лев со стены наблюдал за четырьмя мужчинами, которые казались крошечными в огромном полутемном зале. А снаружи температура еще упала, и ночь накрыла окрестности замка, лужайки и огромные дубы.

Среда

14

В этот вторник, 28 октября, Сервас проснулся позже всех и прикрыл глаза от яркого света, падавшего из окна. Он не слышал, как звонил будильник, как встала Леа.

Сидя на краю кровати, он вдохнул запах кофе. Кофе он покупал свежееобжаренный по очень простой причине: этот запах, витавший на улице вокруг магазина, возвращал его в детство. Но в последнее время он стал замечать, что чем старше он становился, тем больше воспоминания о том времени стали отдавать горечью, и теперь он их отстранял от себя.

– Мартен, ты можешь взять на себя Гюстава? – раздался голос с другого конца квартиры. – Я опаздываю!

– Я тоже! – крикнул он из-под обжигающих струй душа, без уверенности, что она расслышала или пожелала расслышать.

– Можешь отвезти Гюстава в Центр развлечений? Ты слышишь меня?

– Слышу! Это тебе по дороге, а мне придется дать круг!

– Пожалуйста! У меня важное совещание!

– Ладно, хорошо!

Он не мог не вспомнить, что она говорила вчера вечером. Спалось ему очень плохо, он без конца просыпался от воспоминаний об их размолвке.

– Спасибо, увидимся! – крикнула Леа.

И он услышал, как захлопнулась дверь. Когда он вышел на кухню, Гюстав сидел за столом и завтракал, попутно смотря какой-то мультик. Вид у него был умиротворенный и счастливый. Одно это уже было маленькой победой после всего, что ему пришлось пережить.

– Мама очень торопилась, – сказал он улыбаясь.

Сервас почувствовал, как внутри все сжалось. Потом посмотрел на сына.

«Может быть, случится так, что тебе надо будет отвыкнуть от нее, – подумал он. – И не называть ее больше мамой».

– У нее сейчас очень много работы, – сказал он.

– У тебя тоже, – заметил Гюстав. – Ты поздно приходишь.

– Я знаю, радость моя.

– И даже не говоришь мне «спокойной ночи».

– Я сказал тебе «спокойной ночи» вчера вечером, а ты даже не заметил?

– Ага, – ответил Гюстав с такой широкой улыбкой, что Сервасу стало стыдно за свою ложь.

Прежде чем уйти, он забрал со стола в гостиной наушники Анастасии, дочери соседа.

Радомил с самого утра уже занимался, несомненно, с открытыми окнами, чтобы поделиться со всей улицей, ибо

Мартен прекрасно слышал звуки его скрипки. Он внимательно прислушался: это был скрипичный концерт Мечислава Карловича, произведение, требующее безупречного владения инструментом, виртуозной техники, блеска и совершенства в исполнении.

Сервас пожалел, что пришлось прервать легато²⁸ и постучать в дверь. За дверью наступила тишина. Потом раздались шаги, и в дверях появился музыкант с длинными седыми волосами и черной бородкой.

– Твоя дочка забыла у нас наушники, – сказал Мартен.

Радомил одной рукой взял наушники, не выпуская из другой руки скрипку.

– Ты хорошо сделал, что их принес. Иначе она запустит свой хип-хоп через колонки. Здравствуй, юный Гюстав, – прибавил Радомил, низко наклонившись к маленькому белокурому мальчику, который ответил на приветствие широкой улыбкой.

– Играешь концерт Карловича?

Музыкант с внешностью стареющего хиппи выпрямился во весь свой немалый рост и наморщил брови, даже не пытаясь скрыть изумление: Сервас уже не первый раз поражал его своими музыкальными познаниями.

– Где это видано, чтобы у сыщика была такая высокая му-

---

²⁸ Legato – «плавно», «складно»; один из приемов музыкального исполнительства, когда мелодия ведется с гладким, непрерывным переходом одного звука в другой (*ит.*).

зыкальная культура? – сказал он. – Что, во Франции все полицейские такие?

Радомил вместе с дочкой приехал из Болгарии пять лет назад. У него был вид на жительство, но он сразу подал заявление на получение гражданства.

– Ясное дело, я достаю вам билеты, стараюсь, чтобы у Анастасии было время заниматься с Гюставом. Так что вам не на что жаловаться, Леа и тебе.

– А что, бывает, соседи жалуются?

– Ну, вот тебе музыка мешает?

– Нет, конечно, – ответил Мартен, направляясь к лифту.

– Музыка смягчает нравы, разве неправильно говорят?

Сервас припомнил многочисленные скандалы между соседями во время весеннего карантина. Налетали обычно на слишком шумного соседа, который расходился с остальными в музыкальных вкусах. Порой все кончалось вмешательством полиции.

– Я в этом не особенно уверен, – ответил он.

– Хорошего дня, юный Гюстав! Развлекайся на всю катушку! – крикнул им в спину лучезарный длинный Радомил, прежде чем закрыть дверь.

* * *

Коридор третьего этажа здания полиции был переполнен людьми, которые сновали туда и сюда в масках, и порой Сер-

васу казалось, что он попал в какой-то научно-фантастический фильм и сейчас проснется. Но кошмар все длится и длится. Венсан Эсперандье был на месте, и уши его закрывали такие же белые наушники, как у Анастасии. Наверное, слушал инди-рок. Он пытался когда-то обратить Мартена в свою веру, но очень быстро отстал, когда тот принялся рассказывать о гениальном австрийском композиторе по имени Малер.

Сервас вспомнил то время, когда он очень сблизился с Шарлен Эсперандье, красавицей женой своего заместителя. У них была почти непреодолимая тяга друг к другу. В то время Шарлен была беременна Флавианом, который в результате стал его крестником и которому уже исполнилось одиннадцать лет. Тогда никто из них не отважился перейти черту. И он часто спрашивал себя, что было бы, если бы они ее перешли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.